А. С. Демин

«ПОДРАЗУМЕВАТЕЛЬНОЕ» ПОВЕСТВОВАНИЕ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

При чтении древнейших памятников литературы Древней Руси привлекают внимание странные, необычные и не всегда понятные для нас, то есть архаические способы и средства древнерусского повествования. Вольно или невольно мы следим не только за тем, какое содержание излагается, но и за тем, как оно излагается. Так мы полнее начинаем понимать, условно говоря, философию древнерусских авторов: по смыслу сказанного — их представления о мире, по манере повествования — их идеал человека, желаемые его черты.

В связи с этим появляется повод по-новому перечитывать поистине неисчерпаемую «Повесть временных лет». В данной работе рассматривается одна из особенностей повествовательной манеры «Повести временных лет», а конкретнее — анализируются многочисленные случаи подразумеваний как проявления архаического лаконизма в летописных рассказах, но не все вообще, а лишь подразумевания, связанные с предметными деталями в рассказах или с упоминаниями действий летописных персонажей и раскрывающие преимущественно практическую, житейскую, этическую мудрость летописцев, как раз наименее изученную.

При этом не трудно заметить, что смысловая ясность и определенность зачастую отсутствуют в «подразумевательном» летописном повествовании, что подразумевания получались у летописцев по самым различным причинам и не осознавались как единообразный литературный прием. Тем не менее и такое,

в известной мере непреднамеренное, неотчетливо выраженное литературное творчество ранних летописцев и их несформулированная «философия» тоже нуждаются в исследовании, – ведь тогда хотя бы частично можно ответить на более общий вечный вопрос: с чего начиналась литература в Древней Руси.

1. Летописный рассказ об апостоле Андрее (подразумевание необычного)

Самое естественное – это читать летопись в той последовательности, в какой ее текст до нас дошел. Первый летописный рассказ, который содержит удивляющий нас способ повествования, относится к апостолу Андрею, к посещению апостолом Андреем места, где в будущем возник Киев. Летописный рассказ краток, и поэтому можно привести его полностью: «А Днепръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святыи Ондреи, братъ Петровъ, яко же реша. Ондрею учащю въ Синопии, и пришедшю ему в Корсунь, уведе, яко ис Корсуня близь устье Днепрьское. И въсхоте поити в Римъ, и проиде въ вустье Днепрьское, и оттоле поиде по Днепру горé. И по приключаю приде и ста подъ горами на березе. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: "Видите ли горы сия? Яко на сихъ горах восияеть благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать" И въшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълезъ съ горы сея, иде же после же бысть Киевъ» [1].

Кем был создан летописный рассказ об апостоле Андрее и Киеве? При нынешних разногласиях о том, кто именно составил «Повесть временных лет», нам достаточно принять за основу известное положение А. А. Шахматова: «Повесть временных лет» составил киево-печерский монах Нестор около 1113 г. [2], он же написал или записал рассказ об апостоле Андрее и Киеве Значит, о литературном творчестве Нестора и будем говорить.

Сначала скажем о Несторе как редакторе, переработавшем свой источник. Правда, конкретный источник летописного рассказа об Андрее так и не установлен. Найдены лишь некоторые сходные мотивы в византийских сочинениях; однако со славян-

скими переводными апокрифами об апостоле Андрее, которыми, казалось бы, в первую очередь мог воспользоваться летописец, летописный рассказ не имеет почти ничего общего, кроме упоминания отдельных деталей (плавание, гора, утро, ученики, град, крест), но совершенно в иной связи, в ином сюжете и в ином контексте[4]. Из-за того, что источник летописного рассказа все-таки не известен, все дальнейшие выводы о редакторской работе Нестора неизбежно будут предположительными, но и они необходимы.

Причины обращения Нестора к теме об апостоле Андрее неясны. Возможно, в этом как-то сказалось почитание памяти апостола Андрея в семье киевского князя Всеволода Ярославовича в 1080-х гг.[5] Возможно, легенда относилась к совсем иному лицу, замененному Нестором на апостола Андрея[6].

Но удивительнее другое: повествовательной целью Нестора был, скорее всего, *краткий пересказ* слышанной им легенды об апостоле Андрее и Киеве. Хотя о такой своей редакторской цели летописец ничего не заявляет ни здесь, ни далее, но подтверждают данное предположение имеющиеся аналогии в первой, самой эпичной половине летописи (примерно, до Ярослава) – пересказы тех эпизодов, которые ранее в той же половине летописи были изложены более подробно. Обычно при пересказе напоминается только о начале или о конце ранее рассказанного эпизода, а вся богатейшая его середина опускается. Таков, например, пересказ князем Владимиром под 987 г. его бесед с представителями разных вер, подробнее изложенных в летописи годом раньше, под 986 г. Владимир пересказывает своим боярам: «Се приходиша ко мне болгаре, рькуще: “Прими законъ нашь”» (106), – и этой фразой заменена вся речь болгар в пересказе Владимира, в то время как под 986 г. речи болгар были гораздо более пространны и содержательны. Владимир же пересказал только начало болгарских речей; болгары говорили вначале: «веруи в законъ нашь» (84). Далее Владимир пересказывает речи немцев: «ти хваляху законъ свои» (106), и опять припоминает смысл лишь одного места из произнесенных немцами речей: «вера бо наша светъ есть» (85). Наконец, кратчайшим образом пересказывает Владимир гигантскую речь греческого философа: «придоша грьци, хуляше вси законы,

свои же хваляше. И много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира» (106), – тут Владимиром упомянут общий смысл только начала речи философа, который довольно долго порицал веру мусульманскую и веру «римскую» (одна – «оскверняеть небо и землю», другая – «разъвращена» – 86), а затем философ приступил к длиннейшему рассказу «из начала» мира (87). Владимир продолжает свой пересказ, резко переходя к иной теме: греки «другии светъ поведають быти; да, аще кто, деетъ, в нашю веру ступит, то паки умеръ въстанеть и не умрети ему в веки; аще ли в ынъ законъ ступить, то на ономь свете в огне горети» (106), – это пересказ уже самого конца речи философа: «приимъ царство небесное... и не умирати въ веки; ...иже не веруеть къ Богу... мучими будут в огни...» (105–106).

Не только летописные персонажи, но и сам летописец по тому же принципу пересказывает вкратце рассказы, изложенные им ранее более подробно, – чаще только их начало. Например, летописец напоминает: «Словеньску же языку, яко же рекохомъ, жиуще на Дунаи... Поляномъ же жиущемъ особе, яко же рекохомъ, суще от рода словеньска и нарекошася поляне» (11–12). Летописец, действительно, рассказывал об этом раньше во вступительной части летописи, а для пересказа использовал в основном лишь начала предыдущих рассказов – начало рассказа о расселении славян по земле («сели суть словени по Дунаеви... и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне...» – 5–6) и начало рассказа о создании Киева («полем же жившемъ особе и володеющемъ и роды своими...» – 9).

Вполне возможно, что рассказ Нестора об апостоле Андрее и Киеве тоже являлся результатом редактирования источника – кратким пересказом легенды, упомянувшим лишь ее начало и конец и в результате утратившим тонкости ее содержания. И этому тоже есть ясная аналогия. Так, например, произошло с пересказом киевлянами истории создания Киева. Под 862 г. киевляне вспоминали: «Быша суть 3 братья Кии, Щекъ, Хоривъ, – иже сделаша градоко-сь и изгибоша» (21). Киевляне пересказали то, что подробнее рассказывалось во вступительной части летописи, но использовали только начало того рассказа («быша 3 братья, единому имя Кии, а другому – Щекъ, а

третьему – Хоривъ... и створиша градъ...» – 9) и самый конец того рассказа («ту животъ свои скончa... ту скончашася» – 10). В результате, в пересказе киевлян ощущается невнятность: непо́нятно, почему был создан град и отчего его создатели вдруг «изгибоша». Аналогична некоторая невнятность и в летописном рассказе об апостоле Андрее и Киеве: апостол «рече к сущимъ с нимъ ученикомъ» (8) – значит, апостола сопровождали ученики, но далее ученики не упоминаются, и куда подевались эти апостольские ученики, остается непонятным. Все эти неясности и недомолвки суть последствия краткого пересказа, к которому прибег Нестор.

Почему же Нестор ограничился лишь кратким пересказом столь, с нашей нынешней точки зрения, важной и даже основополагающей андреевской темы? Вряд ли только потому, что скуден был его источник. Скорее всего, потому, что для Нестора, независимо от источника, андреевская тема в известной мере уже не имела особой идейной актуальности. О деяниях апостола Андрея далее в летописи ни Нестор, ни другие летописцы больше нигде не упоминали. В самом же рассказе Нестора об апостоле Андрее и Киеве нет указаний на актуальность или важность темы; фраза «иде же после же бысть Киевъ» не имела отношения к оценке, а обозначала хронологическую последовательность событий: что было «преже» и что стало «после же», в то время как мотив актуальности в рассказы о давно прошедших событиях летописец вводил иными выражениями – «и доныне», «и до сего дне», «и до днешнего дне», «и доселе», а еще и рассуждениями о значении события.

Неактуальность очень короткого рассказа об апостоле Андрее и Киеве (более краткого даже, чем об Андрее и словенах) также видна на фоне больших и, видимо, актуальных пересказов во второй половине дошедшего текста летописи. Например, под 1071 и 1096 гг. летописец пересказал рассказы киевского тысяцкого Яна Вышатича и новгородца Гюряты Роговича об опасностях, которые исходят от волхвов и от неких «нечистых» народов с Севера. Такие темы о грозящих опасностях были явно животрепещущими для летописца, и потому эти пересказы стали довольно пространными, детальными и сопровождались комментариями летописца («беси бо не ведять

мысли человеческое, но влагають помыслъ въ человека» — 178; «в последняя же дни... изидут и си скверни языкы, яже суть в горах полунощных» — 236).

И вообще — тема об апостоле Андрее и Киеве слишком спокойна и благополучна, между тем как Нестор во всей своей летописи почти полностью уделил внимание сюжетам неблагополучным, неспокойным, драматичным.

Крупное исключение из напряженной тематики летописи составляет, пожалуй, только похвала строительной и книгописной деятельности Ярослава под 1037 г., существовавшая еще в «Начальном своде» (и даже до него) и содержащая мотивы, сходные с пророчеством апостола Андрея о Киеве. Апостол предсказал: «...восияеть *благодать* Божья, имать *градъ великъ* быти, и *церкви* многи Богъ въздвигнути имать» (8). Это и совершил Ярослав: «Заложи Ярославъ *городъ великыи*... заложи же и *церковъ* святыя Софья митрополью, и посемь *церковъ* на Золотых воротехъ святое Богородице благовещенье... обрящють *благодать*...» (151—152). Наверное, все-таки не древняя похвала Ярославу повлияла на сравнительно новый рассказ об Андрее, а у подобных благополучных тем был общий повествовательный образец. Но показательно, что сравнительно с обильной похвалой Ярославу «градостроительное» пророчество Андрея не было развернуто и прокомментировано Нестором, тема была затронута уже мимоходом, Нестор в известной мере проявил равнодушие к андреевской теме.

Финал у этой темы вполне естественный. Для редакторов летописи непосредственно после Нестора андреевская тема совсем потеряла актуальность; их интересовала совершенно новая для летописи тема — не об апостолах-покровителях и учителях, а о гораздо более решительных и скорых ангелах-хранителях, приставленных к каждой стране и к каждому человеку («къ коеи же твари ангелъ приставленъ... ко всимъ тваремъ ангели приставлении, тако же ангелъ приставленъ къ которои убо земли, да соблюдають куюжь то землю... посла господь Богъ ангела русьскымъ княземъ... ангели от Бога послани помогать хрестьяномъ... комуждо достася ангелъ... ангели бо, глаголю, наша поборникы на противныя силы воюющимъ... коемуждо церкви хранителя ангела пристави» и т. д. — под 1110—1111 гг.[7]).

Знаменательно, что даже под 1015 г. во вставке, сделанной именно в третьей (по А. А. Шахматову) редакции, речь шла тоже об ангеле-покровителе[8], в то время как у Нестора и до него тема ангелов не выпячивалась столь резко и конкретно, как в третьей редакции «Повести временных лет», увидевшей в ангелах, в первую очередь, более реальную помощь христианам в войнах против «поганых».

Новый акцент в отношении летописцев к ангелам можно, пожалуй, различить прямо на стыке Несторовой «Повести временных лет» с ее, по А. А. Шахматову, третьей редакцией — в статье под 1110 г. Нестор завершает свою летопись расплывчатым и успокоительным указанием на то, что «ангелъ бо приходит кде благая места и молитвении домове и ту показають нечто мало виденья своего, яко мощно видети человекомъ» — «ово столпом огненым, ово же пламенем» (284). Третья же редакция, в отличие от Нестора, переходит к явно менее благостным картинам и к более отчетливым изображениям ангелов. В продолжении статьи под 1110 г. в третьей редакции летописи ангел, например, является перед Александром Македонским, который «лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимъ, и мечь нагъ в руце его, и обличенье меча его, яко молонии, ...и рече ему ангелъ...»[9]; а далее, под 1111 г., рассказывается, что половцы, по их признанию, видели ангелов у Дона, на поле битвы с русскими: ангелы «ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни, иже помогаху вамъ», — «тем же достоино похваляти англы»[10].

В общем, можно предполагать, что ослабленная уже у Нестора летописная тема солидного апостольского покровительства Руси, действительно, заменилась в третьей редакции «Повести временных лет» темой ангельской скорой помощи христианам, успешно борющимся с «погаными».

Теперь можно попытаться ответить на вопрос о причине все-таки включения этой, казалось бы, неактуальной легенды в летопись. Дело не столько в Андрее, сколько в Киеве. В рассказе Нестора об Андрее, по-видимому, проводилась благородная идея особой богоизбранности и предпочтительности Киева. Свидетельств тому три. Во-первых, необычайно щедро предсказание апостола Андрея о Киеве: судя по форме выска-

зывания, как бы сам Бог непосредственно участвует в создании града («церкви многи Богъ въздвигнути имать» — 8). Киев — вне конкуренции, в летописи больше ничего подобного не говорится ни о других городах, ни о созидательной деятельности Бога вообще на Земле; разве что упоминается о прямом участии Бога в создании Киево-Печерского монастыря («нача Богъ умножати черноризце... Богъ умножаеть братью» — 158, под 1051 г.), — то есть опять-таки речь идет о Киеве и о прямой деятельности Бога там.

Второе свидетельство предпочтительности Киева более слабо: Киев в рассказе об Андрее даже как бы старше Новгорода. Андрей находится на месте, «иде же после же бысть Киевъ», а потом идет туда, «иде же ныне Новъгородъ», — слово «бысть» указывает на время более давнее, чем слово «ныне».

Третье свидетельство предпочтительности Киева в нынешнем тексте рассказа об Андрее и вовсе не заметно, но все-таки настолько любопытно, что стоит его реконструировать, обратив внимание на самое начало рассказа: «Оньдрею учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, уведе яко ис Корсуня близь устье Днепрьское, и въсхоте поити в Римъ, и проиде въ устье Днепрьское, и оттоле поиде по Днепру горé».

Зачем апостолу Андрею необходимо было посетить Рим? Нестор не скрывает причины — чтобы путешествующему апостолу отчитаться в своей миссионерской деятельности, что он и сделал («приде в Римъ и исповеда, елико научи и елико виде»). Если заглянуть в основной исторический источник различных сведений Нестора — «Хронику» Георгия Амартола, — то сразу становится видно, что, с точки зрения летописца, во времена апостола Андрея не существовало не только ни Киева и ни Новгорода, но и ни Царьграда, который создан был Константином Великим лишь в IV в., а вот Рим и являлся главным центром христианства во времена первых двенадцати апостолов. О таком представлении Нестора свидетельствует, в частности, такая деталь. Нестор недаром упомянул о том, что «святыи Оньдреи — братъ Петровъ» (7): как раз в те же времена, по словам «Хроники» Георгия Амартола, «и великому апостолу Петру въ Римъ пришедъшю... и мнози веровавъше и крестишася»[11].

Однако нашему современному читателю кажется алогичным маршрут плавания апостола Андрея: для того чтобы попасть в Рим, Андрей из Херсонеса плывет не по короткой водной дороге, на юг, вдоль западного берега Черного моря, а выбирает длиннейшее путешествие, на север, вверх по Днепру, до Балтийского моря и далее кружным морским путем вокруг всей Европы. У нас нет данных о популярности у греков или у русских такого длинного маршрута плавания через север из Черного моря в Рим[12].

Правда, непосредственно перед рассказом об Андрее Нестор упомянул подобный маршрут: «море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима». Но что-то тут не так. На самом деле, судя по тексту летописной статьи, ни о каком едином непрерывном маршруте, тем более во времена Андрея, Нестор не намеревался писать, а сбивчиво перечислил несколько самостоятельных путей, относящихся к гораздо более позднему времени, когда уже существовали поляне. Один, главный путь – из Царьграда в Балтику: «от Царягорода прити в Понотъ моря, в не же втече Днепръ-река», это «путь изъ варягъ въ греки и изъ грекъ: по Днепру... в море Варяжьское». Другой путь, из Балтики до Рима, лишь кратко упоминается – «изъ варягъ до Рима» – и явно не входит в состав пути из варяг в греки. Третий путь – «от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду»; упоминание пути от Рима к Царьграду выглядит не очень вразумительным: ведь нелепо получается, что от Рима до Царьграда плывут по тому же Балтийскому морю («по тому же морю»). Четвертый путь намечает передвижение не по Днепру, а по Западной Двине в Балтику – «по Двине въ варяги»: «изъ Оковьскаго леса... Двина... потече... и внидеть в море Варяжьское». Пятый путь: «ис того же леса потече Волга... и вътечеть... в море Хвалисьское, тем же и из Руси можеть ити в болгары и въ хвалисы». Наконец, шестой путь – «от Рима же и до племени Хамова», то есть в южные страны.

Из летописного перечисления путей следует, что они не имели прямого отношения к путешествию Андрея и что апостол Андрей вовсе не обязан был плыть в Рим по Днепру и Балтийскому морю. Можно предположить, что первоначально текст рассказа Нестора содержал отрицание: Андрей «**не** въсхоте поити в Римъ», а поплыл вверх по Днепру в противо-

положном направлении. Предположение о нежелании Андрея ехать в Рим поддерживается летописным словоупотреблением. Глагол «въсхотети» (кроме рассказа об Андрее) употребляется только во второй половине летописи и всегда с отрицанием как привычное словосочетание: «не всхотеша бо ходити по путемъ моим» (169, под 1068 г.), «не въсхоте ити к братома своима» (230, под 1096 г.); «обещавшюся ити... Кыеву, ...и не всхоте сего... створити, но пришедъ Смолинску» (236, под 1096 г.); «кияне же не всхотеша, но рекоша...» (219, под 1093 г.) и т. д. Правда, есть и контрдоводы против предлагаемого предположения. Глагол «въсхотети» употреблен в летописи всего лишь 8 раз – слишком мало для прочных выводов о данном словоупотреблении. Кроме того, во всех дошедших списках «Повести временных лет» в рассказе об Андрее глагол «въсхотети» употреблен без отрицания.

Однако, с другой стороны, на некое «нехотение», на отстраненное отношение Андрея к Риму в рассказе, может быть, указывает то, что хотя апостол и вынужден был отчитаться в Риме о своих путешествиях, но при этом он не без насмешливости беседовал с непонятливыми римлянами (о новгородском банном обычае) и, не оставшись, уехал из Рима в Синоп («бывъ в Риме, приде в Синопию» – 9).

Противоречивость смысла рассказа об Андрее можно разрешить, предположив, что в недошедшем до нас тексте Нестора, действительно, стояло «не въсхоте», а в последующих, уже дошедших до нас редакциях «Повести временных лет» отрицание «не» почему-то было опущено, и Андрей как будто бы целеустремленно отправился в Рим. Так или иначе, но имеется некоторое основание отметить в Несторовом рассказе об апостоле Андрее возможный мотив предпочтения Киевской земли Риму и усомниться в «латинских симпатиях» Нестора в рассказе об Андрее[12]

Теперь сопоставим, с какими идеями летописи перекликается пусть и слабо выраженное, в сущности, лишь подразумеваемое представление о предпочтительности Киева в рассказе об Андрее. Если говорить об оценке Киева, то мостик перебрасывается к концу XI в. До Нестора, например, в заголовке «Начального свода» место Киева оценивалось не так высоко:

«грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость, и потом Кыевская»[14]. Но потом, именно в тексте Нестора, в конце летописи, снова прозвучал мотив исключительности Киева: «яко то есть стареишеи град въ земли во всеи — Кыевъ» (230, под 1096 г.).

В еще большей степени убеждает в идейной связи между началом и концом летописи эволюция идеи об отношении Бога к Руси. Божье покровительство Руси в составе христианского мира отмечалось летописью только до 1015 г. включительно, а далее в летописи подобная обнадеживающая тема полностью исчезла и надолго сменилась темой наказания Божия Руси за грехи. Снова мотив надежды на Бога появился в летописи с 1093 г., то есть в самом конце «Начального свода», в трагических тонах описывавшего опустошительное нашествие половцев на Русь, но утешавшего: «Но обаче надеемъся на милость Божью... тако Господь створи нам: ...падшая въставить» (224). Однако теперь эта отчаянная надежда выбраться из невиданного несчастья преобразовалась в нечто небывалое — в гордую идею предпочтительности Руси перед другими странами. Ср. знаменитое высказывание летописца: «Кого бо тако Богъ любить, яко же ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же... яко паче всех почтени бывше... яко же паче всехъ просвещени бывше...» (225). Кстати, и в заголовке к «Начальному своду» тоже говорилось об особой богоизбранности Руси — «како избра Богъ страну нашу на последнее время». С такой обостренной надеждой конца XI в. на особую богоизбранность Руси и Киева, вероятно, и можно связывать включение Нестором рассказа об апостоле Андрее в летопись. Так что надо развести судьбы двух тем: главной для Нестора являлась не андреевская тема, а тема богоизбранности Руси.

Правда, идейное сходство рассказа Нестора об апостоле Андрее и Киеве с умонастроениями конца XI в. очень неполно: во-первых, мы мало что знаем об этих умонастроениях по другим источникам («Киево-Печерский патерик» тут почти ничего не дает); а во-вторых, в рассказе об Андрее отсутствует идейно важный элемент, наличествующий в завершающей части летописи, — прямые упоминания трагических исторических событий, особенно нашествия половцев. Тем не менее после

рассказа об Андрее, в массиве вступительных текстов, тоже, по определению А. А. Шахматова, вставленных Нестором в начало летописи, упоминание об агрессивности половцев все же есть: «яко же се и при насъ ныне половци законъ держать отець своих кровь проливати» (16), — это возможное указание на атмосферу, в которой появился летописный рассказ Нестора об апостоле Андрее и Киеве.

В рассказе об Андрее заметна еще одна перекличка с умонастроениями конца XI в. В рассказе утверждается, что обещанная Божья благодать действительно снизошла, предсказание свершилось — и «бысть Киевъ». Но, по крайней мере, в первой половине летописи, в донесторовых рассказах, приводились лишь просьбы к Богу о будущих покровительстве и защите («призри», «дажь», «услыши», «мьсти» и пр.), и только в конце летописи, уже в рассказах Нестора, возобладал мотив сбывшейся Божьей защиты, например под 1103 г. («яко Господь избавилъ ны от врагъ наших, и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем русьскым» — 279). Несторовы начало и конец летописи идейно связаны.

Проанализировав, насколько это можно, редакторскую работу Нестора и ее смысл, перейдем к рассмотрению одного из проявлений собственно литературного творчества Нестора в рассказе о путешествии апостола Андрея. Обратим внимание на одну любопытную деталь в перечислении действий Андрея. Зачем Нестору понадобилось упоминать о том, что апостол не только взошел на горы, но и слез с горы? Эта деталь явно выглядит «лишней» на фоне повествовательной манеры рассказов о путешествиях и походах в летописи. Ведь обычно в летописи маршрут путешествующего или занятого походом персонажа обозначается только его прибытием в определенные пункты, но не уходами из них. Значит, не совсем о путешествии Андрея тут пошла речь. И действительно, «лишняя» деталь имеет стилистическую особенность: Андрей не просто сошел с горы, а «слезъ с горы *сея*», — местоимение «сей» многократно повторяется в рассказе, придавая величавость повествованию: «...горы *сия*, яко на *сих* горахъ... на горы *сия*... съ горы *сия*... Повторы местоимения «сей» встречаются в очень немногих рассказах летописи, всегда только в торжественном повествовании, — в

похвалах князьям, в изложении предзнаменований, в изображении церемоний. Напротив, в обыденном повествовании местоимение «сей» не употребляется летописцем. Например, в непосредственно предшествующем рассказу об Андрее описании пути «изъ варягъ въ греки и изъ грекъ» употребляется только местоимение «тот», а не «сей»: «из него же озера», «изъ того озера», «по тому морю», «по тому же морю», «из того же леса» и т. д. (7). В рассказе об Андрее «лишняя» деталь с местоимением «сей» указывала на то, что в эпизоде описывается уже не путешествие, а какое-то торжественное действо.

Для сравнения присмотримся к обычной структуре летописного повествования о торжественных церковных *действах*. Такие рассказы в «Повести временных лет» обычно состоят из перечисления действий, из одних и тех же композиционных элементов, явно отобранных по единому литературному шаблону. Сначала упоминается о приходе персонажей на место действа – в церковь или в географический пункт: «вниде... къ сущеи церкви святеи Богородице Влахерне» (21, под 866 г.); «иде... в церковь» (107, под 987 г.); «влезъше бо въ церковь» (114, под 988 г.); «изиде... на Дънепръ... влезоша в воду» (117, под 988 г.); «видевъ церковь... вшедъ в ню» (124, под 996 г.); «взыде... на Льто» (144, под 1019 г.); «в церкви» (190, под 1074 г.) и пр. Затем прямо или косвенно упоминается образовавшееся людское сборище: «царь... с патреярхомъ» (21); «крилосъ... и лики съставиша» (107); «снидеся бещисла людии» (117); «позре по братьи» (190). Нередко указывается следующий этап – стояние людей, готовых к действу или вовлеченных в действо: «поставиша я на пространьне месте... престоянье дьяковъ» (107); «стоя... въставъ простъ» (114); в Днепре «стояху» (117); «ста на месте, идеже убиша Бориса» (144); «стоящю... на месте своемь... братьи, иже стоять» (190). Конечно, рассказывается и о произносимых речах и молитвенных деяниях людей: «молитву створиша» (21); «створиша праздникъ... пенья» (107); «молитвы творяху» (117); «помолися Богу» (124); «въздевъ руце на небо... помоливъся» (144); «поюще... стояше крепок в пеньи» (190) и т. д. При этом иногда говорится о манипуляциях со священными предметами или прикосновениях к ним: «божественую святы Богородиця ризу... изнесъше» (21); «кадила вожьгоша» (107). Причем по-

ставление, то есть воздвижение чего-то, почти всегда в первой половине летописи было связано с той или иной (языческой или христианской) церемонией: «крестъ поставленъ целовати» (114, под 988 г.); «постави церковь... на холме, иде же творяху потребы» (118, под 988 г.); «постави кумиры на холму... и жряху имъ» (79, под 980 г.); «две главе злате постави, едину... на холме... и кланяхуся людье» (97, под 986 г.) и пр. И наконец, заканчивается описание церковного действа сообщением о том, что его участники завершили действо и разошлись: «идоша кождо в домы своя» (118); «се ему рекшю, поидоша» (144); «отпояху... и тогда изидяше в келью свою» (190).

Не трудно заметить, что, говоря о деяниях апостола Андрея, Нестор изобразил торжественную церемонию, составив рассказ из тех же композиционных элементов: приход персонажа на место действия («въшедъ на горы»); присутствие людей («сущимъ с нимъ ученикомъ»); приготовление священного предмета для поклонения («постави крестъ»); молитвенные действия («благослови... и помоливъся»); завершение церемонии («сълезъ съ горы сея»).

Правда, изложено все как-то стерто. Специфика рассказа Нестора о посещении апостолом Андреем «гор» киевских заключается в *отсутствии названия* проведенной им церемонии, название только подразумевается, в то время как подавляющее большинство летописных описаний различных церемониальных действ – бытовых, политических, церковных (около 40 описаний, преимущественно в первой половине «Повести временных лет») – содержат названия: прямые – в форме существительных; и косвенные названия – в форме глаголов или словосочетаний с глаголами, указывающих на целое, составляемое из перечисляемых действий персонажа или группы персонажей. Так, продолжающий путешествие апостола Андрея рассказ о банной церемонии словен содержит оба вида названий – прямое («мовенье») и косвенное («како ся мыють»). Далее в летописи вариации называния чередуются вольно. Рассказ о греческом богослужении содержит прямые названия описываемой церемонии («праздникъ», «служенье», «служба» – 107–108, под 987 г.). Рассказ же о завещании Ярослава использует лишь косвенные названия церемонии («наряди сыны своя... уряди сыны

своя» – 161, под 1054 г.). Все описания похорон в летописи тоже имеют только косвенные обозначения («погребоша», «схорониша», «положиша»). И т. д. На этом фоне видно, что при описании церемониальных действий апостола Андрея Нестор, действительно, обошелся совсем без названия церемонии и без какого-либо обобщающего слова, хотя имел в виду нечто вроде церемонии запланирования будущего града.

Отсюда возникает вопрос: почему у летописца так произошло? Причины могли быть самые различные. Перебор их, исходя из общих соображений, позволяет остановиться на наиболее, как нам кажется, правдоподобной причине. Одну причину отвергнем сразу. Чистая случайность, механическое выпадение первоначально наличествовавшего названия церемонии в дошедшем до нас летописном тексте вряд ли имели место: ведь тогда бы изложение деяний апостола отличалось бы некоторой неловкостью, а оно, напротив, достаточно гладко. Вторую причину, более вероятную, тоже отвергнем. На результат сокращения летописцем некоего первоначального текста отсутствие названия церемонии, пожалуй, все-таки не похоже, потому что при сокращении в первую очередь, как правило, опускаются детали, а название церемонии, если оно было, обычно сохраняется. Третья причина совсем маловероятна. Считать, что в данном случае название церемонии подразумевалось летописцем само собой как привычное, тоже нельзя: такое подразумевание может быть характерно для частых описаний однотипных церемоний, а деяния апостола Андрея уникальны. Наиболее правдоподобно объяснить отсутствие названия церемонии апостола Андрея можно содержательной причиной – тем, что Нестор подразумевал именно *необычную* торжественную церемонию, не уложившуюся еще в рамки привычного, устоявшегося действа, затруднился ее определить.

Опять-таки на основе аналогий мы получаем доказательства того, что неназыванием церемонии Нестор и в самом деле обозначал необычность действа. В других эпизодах летописи подобный непривычный для нас, архаический способ изложения более или менее четко просматривается: необычные или удивительные, неординарные или уникальные действа (характеризуемые эпитетами «дивный», «чюдный», «новый») летопи-

сец описывал, не употребляя их названий, а только перечисляя части неназываемого целого как цепь действий, производимых персонажами. Таково, например, описание крещения киевлян. Перечислены действия участников церемонии: «Наутрия же изиде Володимеръ с попы... на Дънепръ, и снидеся бещисла людии, влезоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персии, младии же по перси от берега, друзии же младенца держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху...» (117, под 988 г.). Однако ни смысл этого небывалого на Руси действа, ни его название не указаны летописцем. О подразумевании свидетельствует то, что в контексте описания и в последующем комментарии к событию летописец раскрывает подразумеваемое: называет суть действа («крестившим же ся людемъ... люди на *крещенье* приводити» — 118) и косвенно указывает на его необычность, «чюдность», новизну («си бо не беша преди... *чюдна* дела... се быша новая» и пр. — 119–120).

Иногда летописец сразу начинает описание странного действа с прямого определения его необычности: «*Предивно* бысть *чюдо* Полотьске... По улици, яко человеци, рищюще беси... Посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бе ихъ видети самехъ, но конь ихъ видети копыта» и пр. (214–215, под 1092 г.). При этом конкретное название такого необычного процесса отсутствует в описании, но как подразумевание всплывает в заключительном примечании летописца к описанию: «Се же *знаменье* поча быти...»

Бывает, что не летописец лично от себя, а его персонажи подчеркивают необычность действа: «*Дивъно* мы находихом *чюдо*, его же не есмы слышали преже сих лет» (235, под 1096 г.). Далее следует описание удивительных действий, но опять-таки без обозначения летописцем или героями сути происходящего дива: «...суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь великъ и говоръ, и секуть гору, хотяще высечися, и в горе тои просечено оконце мало, и туде молвять... и помавають рукою...» и т. д. И лишь потом, в комментарии летописца разъясняется подразумеваемый смысл описанного: «Си суть людье, заклепении Александром Македоньскым цесаремь... загна их на полунощныя страны и горы высокия» (235–236).

Нередко в летописи прямо не указывается на необычность действа, без сомнения, явно беспрецедентного, но и в таком случае летописец избегает называть такое необычное действо. Например, описывается фактически суд Олега над Аскольдом и Диром: арест Аскольда и Дира воинами Олега, предъявление им обвинения Олегом («вы неста князя»), ссылка Олега на свою правомочность («но азъ есмь роду княжа»), предъявление вещественных доказательств («вынесоша Игоря: "И се есть сынъ Рюриковъ"»), приговор и его исполнение («и убиша Асколда и Дира» — 23, под 882 г.). Однако названия этому необычному действу летописец не дает.

Вот еще пример. Под 1103 г. Нестор описал некую церемонию, объектом которой был половецкий князь Белдюз: его «яша» русские князья и «приведоша»; «и нача Белдюзь даяти на собе злато, и сребро, и коне, и скотъ»; но его «нача впрашати», почему он и другие половцы «многажды бо ходивши роте, воевасте Русскую землю... проливашет кровь хрестьяньску»; и вынесли приговор: «да се буди кровь твоя на главе твоеи»; и приговор привели в исполнение: «повеле убити и, и тако расекоша и на уды» (279). Несомненно, описан суд над Белдюзом, но летописец никак не называет эту торжественную церемонию, явно необычную для летописных сюжетов.

Так что в рассказе об апостоле Андрее и Киеве мы встречаемся, по-видимому, с тем же архаическим литературным средством или с той же манерой повествования — многозначительно умалчивать, лишь подразумевать, но не называть необычное явление при его описании.

На то, что Нестор прочно придерживался представления о необычности церемонии, проведенной Андреем, дополнительно указывают некоторые детали в рассказе. Во-первых, церемония проведена не кем-нибудь, а самим апостолом, притом братом Петра; апостолы же в летописи совершали небывалые деяния. Конечно, тем самым церемония Андрея охарактеризована снова лишь косвенно, но все же...

Во-вторых, еще одним косвенным признаком существования у летописца представления о необычности той или иной церемонии является указание на ее историческую значимость. В летописных рассказах с необычными, «дивными» и «чюд-

ными» событиями зачастую тут же обозначалась и их историческая роль. Например, в комментариях по поводу крещения Руси Владимиром под 988 и 1015 гг. летописец явно связывал необычность события («*дивно* же есть се, колико добра створилъ Русьстеи земли, крестивъ ю» — 131) и его историческую значимость («събысся пророчство на Русьстеи земли... темь же и мы припадаемь... в родъ и родъ въсхвалить дела твоя... ныне же свободихомся от греха», «сего бо в память держать русьстии людье, поминающее святое крещенье» — 119—120, 131); отмечал и резкость перемен, принесенных событием («се же не единъ, ни два, но бещисленое множьство к Богу приступиша, святымь крещеньемь просвещени... нощь успе, а день приближися... сеть скрушися, и мы избавлени быхом...» — 120). В рассказе об апостоле Андрее, таким образом, мы встречаем сравнительно скупое упоминание о значимости церемонии («после же бысть Киевъ», «градъ великъ... и церкви многи») и опять лишь скрытое указание Нестора на ее необычность.

Рассказ об апостоле Андрее и Киеве содержит еще и третий косвенный признак наличия у Нестора представления о необычности описываемой им церемонии. Дело в том, что при оценке летописцем явно необычных событий в летописном повествовании используется мотив новизны не только происходящего, но и его участников и его объектов. Так, например, в рассуждениях о крещении Руси постоянно упоминаются «*новыя* люди сия». В рассказе об апостоле Андрее указание на нечто новое тоже есть, но указание опять только косвенное: Киев сначала упомянут как безымянный город («градъ великъ») лишь потом назван («бысть *Киевъ*»). Подобным способом в рассказы о необычных событиях в первой половине летописи вводились новые, неожиданно появляющиеся персонажи. Например, под 862 г. персонажи сначала анонимны («изъбрашася 3 братья...» — 20), и только в дальнейшем повествовании о призвании варягов сообщаются их имена («стареишии *Рюрикъ* сяде...» и т. д.); тут же и о других персонажах, тоже вначале действующих анонимно («бяста... два мужа... и та испросистася... поидоста... и идуче... узреста... и реста...») и лишь потом вдруг названных («*Асколъдо* же и *Диръ* остаста...»). Под 898 г. упоминаются «сынове разумиви...», и лишь в дальнейшем изложении

о составлении славянской азбуки они названы – «сына своя *Мефодия* и *Костянтина*» (26). Под 980 г. об агрессивном сватовстве Владимира: князь желает взять в жены некую «тьчерь», и гораздо позже мелькает ее имя – «речь *Рогънедину*» (75). Под 987 г. о другом оригинальном сватовстве Владимира: князь требует к себе некую цесарьскую «сестру», и лишь при развитии последующих необычных событий сообщается ее имя – «сестру... имянемъ *Анъну*» (109). Количество примеров можно увеличить. Это архаичный для нас, но привычный для летописцев способ повествования. Отсюда можно предположить, что в рассказе об апостоле Андрее Киев тоже был представлен как новый, неожиданно вступающий в дело объект, указывающий на необычность описываемой церемонии.

Наконец, в рассказе об апостоле Андрее и Киеве содержится четвертый косвенный признак необычности церемонии, проведенной апостолом. Это признак, так сказать, от противного. Положенные церемонии, по летописи, всегда проводились подготовленно, в традиционно предназначенных для того местах или в местах, объяснимых предшествующими памятными событиями. Но вот место церемонии Андрея – необычно: церемония состоялась «по приключаю», незапланированно, на пустых и безлюдных «горах» – и это тоже признак ее необычности.

В общем, пожалуй, обнаруживаются следы того, что Нестор относился к церемонии апостола Андрея как к необычному торжественому действу, и, следовательно, в рассказе содержалось двойное подразумевание: подразумевалось название церемонии и подразумевалась ее необычность.

Остается ответить на наиболее интересный для нас вопрос, почему же так скрытно Нестор выразил свое представление о виде церемонии, проведенной Андреем, и о ее необычности. Скрывать-то тут Нестору было нечего. Отчасти, но не целиком, можно объяснять эту непонятную скрытность воздействием нетворческих причин – например, расплывчатостью Несторова представления при кратком пересказе легенды. Но проявлений данного представления в тексте все-таки не так мало, чтобы сводить все к слабости ощущения или к случайностям редактуры Нестора. Видимо, существовала и идейная причина скрытной манеры Несторова повествования. Подразумевания предпола-

гают наличие читателя, и Нестор чему-то учил своих читателей «подразумевательным» повествованием о далеких исторических событиях. Это не высказанное им прямо назидание людям вообще и читателям в частности можно сформулировать приблизительно так: смотри и по деталям догадывайся сам о сути наблюдаемого или рассказываемого. Подобное авторское кредо сказалось не только на «подразумевательной» манере повествования, но и на пристрастии к изображению догадливости персонажей. Вот ведь апостол Андрей воззрел на киевские горы и сразу понял, чего надо ожидать.

В летописи – и у Нестора, и у предшественников Нестора – такой принцип догадливого отношения к внешнему миру демонстрировался неоднократно, притом самыми разными персонажами. Смотрел и делал вывод Бог: «Сниде господь Богъ *видети* градъ и столпъ и рече Господь: “Се родъ единъ и языкъ единъ” И съмеси Богъ языкы и раздели» (5). Рассказ о вавилонском столпотворении заимствован Нестором из «Хроники» Георгия Амартола[15], но именно Нестор представил Бога смотрящим и толкующим видимое, – в тексте Амартола этого нет. Смотрели и толковали видимое хазары: им «*показаша* мечь, и реша старци козарьстии: “Не добра данъ...”» (17). Смотрели и соображали немцы: «они же *видевша* бещисленое множьство – злато, и сребро, и паволокы, – и реша: “Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво, сего суть кметье луче”» (198, под 1075 г.). Видели и мучительно догадывались жители Полоцка: бесов «не бе ихъ видети самехъ, но конь ихъ *видети* копыта... темъ и человеци глаголаху, яко навье бьють полочаны» (215, под 1092 г.).

Нередко в летописи рассказ о разглядывании и понимании имел более сжатую форму и умещался в речи персонажа. Так, тот же апостол Андрей сообщал и о виденном, и о своем уразумении виденного: «Дивно *видехъ* Словеньскую землю... и то творять мовенье собе» (8–9). Добрыня осмотрел пленных болгар и понял: «*Съглядахъ* колодникъ, оже суть вси в сапозехъ, – симъ дани намъ не даяти» (84, под 985 г.). Или десять дружинников Владимира глядели и сообщали, что именно они углядели и как оценили у болгар же: «*Смотрихомъ*, како ся покланяють въ храме... Несть добро законъ ихъ» (108, под 987 г.). Жители Белгорода предлагали печенегам заняться подобным осмысли-

тельным смотрением: «Имеемъ бо кормлю от земле... да узрите своима очима» (128, под 997 г.). Наконец, греки предложили даже целую инструкцию о подсматривании и осмыслении своему «мужу мудру», посланному к Святославу: «*Глядаи* взора и лица его и смысла его» (70, под 971 г.).

Во второй половине летописи Никоновой и Несторовой упоминания о разглядывании и осмыслении бывали совсем беглыми, без прямой речи персонажей; например: старец Матфей «стояцю на утрени, възведъ очи свои, хотя видети игумена Никона, и *виде* осла стояща на игумени месте и разуме, яко не всталъ есть игуменъ» (191, под 1074 г.); или: «*узре* Василко торчина, остряща ножь, и разуме, яко хотят и́ слепити» (200, под 1096 г.). Чаще всего беглые упоминания о видимом явлении сопровождались толкованиями уже самого летописца: «*видимъ* нивы поростъше зверемъ жилища быша... кажеть бо ны добре благыи Владыка» (224, под 1093 г.); «придоша прузи... яже *видеста* очи наши за грехы наша» (226, под 1094 г.); «явися столпъ огненъ... и весь миръ *виде*... се же беаше... видъ ангелескъ» (284, под 1110 г.) и пр.

Из приведенных примеров видно, что подобное учительное отношение к миру и к читателям («смотри и догадывайся»), «читай и догадывайся» еще не было осознано летописцами как теоретический принцип и не оформилось в этические сентенции или хотя бы в обобщающие замечания о правилах людского поведения, но, тем не менее, эта нравоучительная тенденция проявилась в летописных рассказах. Уже «Начальный свод» начинался с поучения к стаду Христову преклонить «уши ваши разумно».

2. Летописный рассказ о словенах и римлянах (подразумевание малодостойного)

Свой рассказ о путешествии апостола Андрея Нестор продолжил, на этот раз называя церемонию, но при этом подменив одно понятие другим. Банный обычай «мовенье» подается в рассказе как длительная пытка: словены «мучими»; они «нази»; их «бьють» так, что они «ели живи»; их обливают «водою студе-

ною», тогда они, как после пытки, приходят в себя («оживуть» и это повторяется «по вся дни» (8–9).

Собственно, кто именно не понял иносказательного обозначения того, что делают словены, – апостол Андрей или римляне? Ведь они одинаково удивлялись: Андрей «удивися», римляне «дивляхуся». Ясно, что непонятливыми, с точки зрения Нестора, оказались римляне. Ведь, по рассказу Нестора, апостол, только что провидевший создание Киева, сразу понял и своеобразие словен: «виде... како есть обычаи имъ и како ся мыють». Это Андрей оформил свой рассказ как бы в виде загадки для римлян, и отгадку ему пришлось сообщить несообразительным римлянам же: «и то творять мовенье собе, а не мученье».

Кто же из персонажей представлен в неблагоприятном свете? Конечно, не Андрей. И не словены, которые, как следует из рассказа Нестора, вроде бы древнее, чем поляне: словен уже застал апостол Андрей («виде ту люди сущая»), в то время как полян апостол еще не видел и места их будущего обитания («горы») пустовали. Если бы Нестор был настроен против словен, то мотив их древности не проявился бы. Кроме того, против словен или насмешливо по отношению к словенам ни Нестор, ни его предшественники нигде в летописи не высказывались (другое дело, что Нестор отдавал некоторое предпочтение полянам и обошел вопрос – кто старше: Киев или Новгород). Попавшими впросак показаны Нестором именно римляне, а как раз римлян, латинян и «немцев отъ Рима» летопись и до Нестора осуждала неоднократно: их учения «отци наши... не прияли суть» (85, под 986 г.); у нихъ «въ храмех... красоты не видехомъ никоея же» (108, под 987 г.); у «латынъ ученье разъвращено» (114, под 988 г.) и пр. Апостол Андрей – «свой», а римляне – чужие – вот что, вероятно, подразумевал Нестор в своем рассказе.

Но если Нестор не без насмешки показал чуждость латинян словенам, то почему он сделал это так скрыто? Ведь римлян он даже не называет прямо: Андрей «приде въ Римъ... и рече имъ». Кто такие эти «они», к тому же христиане они или язычники, не поясняется. Остановиться на каком-либо совершенно бесспорном объяснении подобной скрытости не удается. Одно объяснение такое: Нестор занимал, условно говоря, прозапад-

ную позицию и, пересказывая легенду, не хотел очень уж обличать римлян, тем более тогда еще не католиков. Вспомним, что Нестор вставил в летопись под 898 г. рассказ, благожелательный по отношению к папе римскому, – о том, как папа защитил богослужебные книги, переведенные на славянский язык и писанные славянскими письменами. Однако достаточных данных для утверждения о прозападности Нестора нет.

Другие объяснения невнятности выражения Нестором своего отношения к римлянам тоже недостаточно основательны, так как нет возможности сравнить рассказ Нестора с его источником, не известным нам. Тем не менее об объяснениях все-таки надо подумать. Не получилась ли невнятность оттого, что Нестор при пересказе легенды переключил свое внимание с римлян на этнографические подробности о словенах? Но специальные этнографические сообщения Нестора о разных племенах и народах обычно сопровождались его жесткими, положительными или отрицательными нравственными оценками (например: «поляне бо своих отець обычаи имуть кротокъ и тихъ... а древляне живяху звериньскимъ образомъ» – 13); однако словенам Нестор не высказал ни похвалы, ни осуждения (выражение «дивно видехъ Словеньскую землю», пожалуй, не содержало указания на что-то плохое или же на хорошее: в летописи слово «дивно» могло относиться и к тому, и к другому); рассказ был составлен так, чтобы показать заблуждение римлян, их подвергнуть насмешке, то есть в центре внимания Нестора находились в большей степени Андрей и римляне, а не словены сами по себе.

Может быть, Нестор, пересказывая легенду, слишком сжал свой рассказ, в частности, возможный в источнике диалог персонажей (апостола и римлян) летописец преобразил в монолог Андрея, и в результате сокращений в рассказе появились разного рода невнятности? Тут можно только гадать.

И все же из всех возможных причин скрытности Нестора в характеристике римлян предпочтение, пожалуй, можно отдать литературной причине – традиционной лаконичности, безоценочности летописного повествования об очень давних событиях. В первой половине летописи не раз описываются ситуации, когда летописные персонажи одно явление ошибочно прини-

мают за другое, но несколько уничижительная оценка таких персонажей, как правило, только подразумевается. Например, испуганные греки принимают язычника Олега за святого Дмитрия Солунского: «Несть се Олегъ, но святыи Дмитреи» (30, под 907 г.), – замечания Нестора по поводу явного заблуждения греков нет. И до Нестора летописцы повествовали таким же способом о попадающих впросак персонажах. Самый яркий пример – о том, как незадачливый византийский цесарь не понял, что перед ним не будущая его жена, а его духовная дщерь, на которой ему нельзя жениться, – при этом оценки несообразительному цесарю летописец тоже не дает (под 955 г.). Или, например, печенеги приняли киевского отрока за печенега, а киевского воеводу – за киевского князя, – оценки наивным печенегам тоже нет (под 968 г.). Лишь в единичных случаях в летописи выносилась хоть какая-то минимальная оценка путающимся персонажам: «коне медяны... яко же *неведуще* мнять я мрамаряны суща» (116, под 988 г.). Таким образом, невнятный для нас рассказ Нестора о римлянах, скорее всего, просто был написан Нестором в традициях «подразумевательного» повествования, одним из экспрессивных средств которого служила подмена названий или понятий, а учительной, литературообразующей основой «подразумевательного» повествования служило все то же отношение летописцев к миру и к читателям, неотчетливое и безадресное, выраженное лишь в практике непосредственного рассказывания: верно понимай то, что слышишь или видишь (или читаешь), а иначе ты – глупец.

3. Летописный рассказ о Кие (подразумевание благопристойного)

Другой способ подразумевания замечается в летописном рассказе о Кие. Рассказ о Кие делится на две части: старшая, первая часть – о сотворении Киева – присутствовала еще в «Древнейшем киевском своде» 1030-х гг., а более позднее продолжение повествования о Кие было добавлено уже Нестором[16] В Несторовой сжатой сводке сведений о Кие озадачивает своей, казалось бы, малосодержательностью заключительная фраза в рассказе о Кие: «Киеви же пришедшю въ свои градъ Киевъ, ту

животъ свои сконча» (10), – для того чтобы завершить историю жизни Кия, Нестору, конечно, надо было сказать о его кончине. Но зачем надо было упоминать о кончине Кия именно в *своем* граде?

Думается, что фразой «пришедшю въ свои градъ Киевъ, ту животъ свои скончa» Нестор обозначил как раз некие благополучные, достойные уважаемого персонажа *обстоятельства* его смерти (мы бы сказали сейчас: «умер в своей постели»). Аналогии в летописи подтверждают наличие такого смысла у фразы о Кие. Во-первых, все сообщения о возвращении летописных персонажей в град свой, в землю свою или в какое-то свое место были связаны с достижением тех или иных благополучных результатов. Вот самые яркие примеры. Возвращение в свой город или к себе в город после победы, заключения мира, взятия дани и пр.: Игорь «веземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя и възратися въспять и приде къ Киеву въ своя си» (46, под 944 г.), – взял трофеи и вернулся к себе в Киев; Ольга «уставляющи уставы и уроки, и суть становища ее и ловища, и приде въ градъ свои Киевъ... Иде Вольга... и устави... повосты и дани... по всеи земли знамянья и места, и изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву и пребываше съ нимъ въ любъви» (60, под 946 и 947 гг.), – навела порядок и вернулась к себе в Киев; Ярослав прорвал печенежскую осаду Киева, «приде Киеву и вниде в городъ свои» и затем разгромил печенегов (151, под 1036 г.); Мстислав «створи миръ... приде Новугороду в свои град» (240, под 1096 г.) и т. д. Сообщение о возвращении в прочие свои места тоже служило знаком благополучия или исполненного долга: русские воины спаслись от гибели – «от таковыя беды избегнути и въ своя си возъвратишас», «възъвратишася въ своя си, тем же пришедшимъ въ землю свою» (22 и 45, под 866 и 941 гг.); «крестившим же ся людемъ, идоша в домы своя» (118, под 988 г.); «отстоявшю утренюю предъ зорями, идоша по кельямъ своимъ» (190, под 1074 г.) и т. д. Значит, и Кий, по летописи, достойно вернулся в свой город.

Во-вторых, пребывание умерших персонажей в чем-то своем или у кого-то своего служило знаком достойного завершения жизни: Владимир – «поставиша и́ въ святеи Богородици, юже бе създалъ самъ» (130, под 1015 г.); Мстислав – «положиша и

в церкви у святаго Спаса, юже бе самъ заложилъ» (150, под 1036 г.); Всеволод «преставися тихо и кротко и приближися ко отцемъ своимъ» (217, под 1093 г.); Ростислав – «положиша и́ у церкви святыя Софьи у отца своего» (221, под 1093 г.) и т. п. Значит, и Кий достойно умер.

В-третьих, на достойную кончину Кия указывает сама фразеология летописного сообщения, отнюдь не случайная, – ведь она повторяется: Кий «ту животъ свои сконча, и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася». Выражения «животъ свои скончати» и «скончатися» относились в летописи только к достойным людям: основатель Киево-Печерского монастыря Антоний «сконча животъ свои» (158, под 1051 г.); благочестивый монах Исакий «сконча житье свое... о Господе скончася» (198, под 1074 г.); великий князь киевский Владимир «скончася» (130, под 1015 г.); блаженный Борис «скончася» (134, под 1015 г.). И напротив, о смерти злодеев говорилось иначе: Святополк Окаянный «испроверже зле животъ свои» (145, под 1019 г.); убийца Итларь «зле испроверже животъ свои» (228, под 1035 г.).

Так что из использованных Нестором архаических для нас средств повествования следует, что Кий умер вполне благопристойно. Правда, Нестор пишет об этом расплывчато, лишь подразумевая некие возвышенные обстоятельства смерти Кия, но, очевидно, не зная о них ничего конкретного, не зная и последовательности смерти братьев, – ведь не одновременно они вдруг все скончались. Но Нестору нужна была не отписка, а важно было возвысить Кия перед догадливым читателем.

Со стремлением во что бы то ни стало возвысить Кия мы встречаемся во всем Несторовом рассказе о Кие с начала и до конца. Свою часть рассказа о Кие Нестор начинает с утверждения о том, что Кий никаким перевозчиком на Днепре не был, «но се Кии княжаше в роде своемь» (10). Выражение «княжаше в роде своемь» – при всей его решительности очень неопределенно. Судя по обычной летописной фразеологии, родами «володеют» старейшины (а Кий как раз был братом «стареишим»), а князья княжат в каком-либо городе. Но Нестор не говорит, что Кий «княжаше» в Киеве и, следовательно, Кий всех раньше «въ Киеве нача первее княжити». Выражение «княжаше в роде

своемь», скорее всего, является контаминацией, благодаря которой Нестор, опять-таки не зная конкретно, в каком качестве правил Кий, приподнял статус Кия как нечто переходное от старейшины к князю. И дальше Нестор настаивал на такой, так сказать, форме власти: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ» (10), – не князья, но уже княжат. Догадливый читатель поймет, – так мы сейчас можем предположительно объяснить цель лаконичности Нестора.

Рассказывая о Кие, Нестор добавляет еще, по крайней мере, две возвышающие Кия детали: Кий в Царьграде «велику честь приялъ есть от царя» византийского и Кий «сруби градокъ малъ» на Дунае (10). Первое сообщение более прозрачно подразумевает знатность Кия, раз ему оказал почести сам византийский цесарь, а второе сообщение уже не так отчетливо выставляет Кия настоящим князем: ведь все князья, начиная с Рюрика, активно занимались строительством городов, что неукоснительно отмечает летопись как важную княжескую прерогативу. Но Нестор, уклоняясь от традиций летописной точности, опять неотчетлив в своих сообщениях: он не конкретизирует, мирно или войной Кий «ходилъ Царюгороду», какие именно почести были оказаны цесарем Кию и как именно звали цесаря, потому что всего этого он не знает («велику честь приялъ есть от царя, при которомъ приходивъ цари», имя его «не свемы»); не указано опять-таки по незнанию и то, как Кий собирался назвать свой новосрубленный город и где все-таки и в чьих владениях тот находился (вместо этого сказано неопределенно: Кий «приде къ Дунаеви и възлюби место»; а уж после Кия «наричють дунаици городище Киевець», – остатки того города фактически неназванные Нестором обитатели тех мест именуют Киевцем). Общие выражения помогли Нестору не только прикрыть незнание фактов, но и для догадливого читателя создать архаическими повествовательными средствами облик Кия как достойного правителя.

Однако в Несторовой уважительной характеристике Кия остался ощутимый элемент невнятности, потому что в рассказе Нестором же упомянуты, как можно думать, и неблагополучные для Кия события: Кий, оказывается, хотел осесть со своим родом на Дунае, то есть почему-то покинул Киев; остаться же на

Дунае «не даша ему ту близь живущии», то есть Кий потерпел неудачу. А далее роль Кия Нестор уже вообще не выделяет, называя его только в составе трех братьев или глухо, без имен, упоминая этих братьев. То, что о хорошем и о не очень хорошем Нестор равно высказывался очень скрытно, не толкуя детали, заставляет опять вспомнить о его учительной, деликатно проявляемой жизненной позиции: смотри и догадывайся сам.

4. Летописный рассказ о смерти Олега Вещего (подразумевание отрицательного)

Знаменитый рассказ о смерти Олега Вещего был вставлен в летопись составителем «Повести временных лет» Нестором и отсутствовал в предшествовавшем ей «Начальном своде»[17] этим выводом А. А. Шахматова руководствуемся, говоря далее об отношении Нестора к Олегу и о его манере повествования в рассказе.

Каким выглядит Олег в рассказах Нестора? С 879 г. по 907 г. в тексте летописи это герой вполне заслуженный. Но в заключительном рассказе о гибели Олега под 912 г. Олег у Нестора выступает уже как лицо не совсем положительное. К такому впечатлению подводит целый ряд фраз по ходу рассказа и, прежде всего, его фактически первая фраза: «И помяну Олегъ конь свои, и бе же поставил кормити и не вседати на нь» (38). Олег у Нестора ведет себя очень странно: вместо того чтобы кормить коня и садиться на него для поездок, князь отказывается от обычного обращения с конем. Мало ли что могло происходить в действительности. Но Нестор не без писательской экспрессии противопоставил, казалось бы, бессмысленный поступок Олега нормальному процессу: кормить коня, но не вседать на него (союз «и» во фразе имел противительное значение); и не только противопоставил, но дополнительно выпятил странность поведения Олега, нарушив ради такого случая обычную для летописи прямую хронологическую последовательность повествования: сначала указал на поступок Олега как на нечто поразительное, а уж потом стал рассказывать о породивших этот казус событиях («бе бо въпрошал волъхвовъ и кудесникъ...»).

Представление о, так сказать, ненормальности поведения Олега Нестор далее в рассказе выразил неоднократным повторением экспрессивных указаний на необычность ситуации с конем: снова упомянул, что Олег «повеле кормити и́ (коня) и не водити его к нему». Сам Олег даже усилил свой отказ: «николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». Необычность поведения Олега как князя в рассказе Нестора тем более выделяется на фоне всего летописного повествования о «нормальных» князьях и воинах, которые только и делали, что садились на коней и ездили на конях. Правда, представление о странности поведения Олега выражено Нестором лишь скрыто, без каких-либо прямых оценок.

Это представление имело и дополнительный ценностный оттенок: странно ведущий себя Олег становится у Нестора, пожалуй, отрицательным персонажем. Ведь в летописи все прочие случаи отказа ездить на коне или иные ненормальности в обращении с конями связаны исключительно с отрицательными персонажами. Подобная связь повторялась еще до Нестора, в «Начальном своде», где отказывались или не могли ездить на конях безусловно отрицательные персонажи: деревляне («не едемъ на конихъ» – 56, под 945 г.); Святополк Окаянный («бежащю ему... не можаше седети на кони» – 145, под 1019 г.). Именно из-за отрицательных персонажей нельзя было нормально ухаживать за конями, например, из-за печенегов («не бяше льзе коня напоити – на Лыбеди печенези» – 67, под 968 г.); наконец, именно для отрицательных персонажей совершенно ненормальным образом использовались кони («Перуна же повеле привязати коневи къ хвусту и влещи» – 116, под 988 г.). Нестор продолжил эту традицию: во вставленном им в начало летописи одном из рассказов, к примеру, обры тоже отказывались ездить на конях («поехати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обърена» – 12); тут же Нестор прямо дал отрицательную характеристику таким наездникам: «быша бо объре... умомь горди, и Богъ потреби я».

В отдельных случаях в летописных рассказах воздерживались ездить на конях и неоднозначно отрицательные персонажи – вроде Святослава (воевода советует ему: «Поиди, княже, на

конихъ»; но Святослав «не послуша его и поиде в лодьяхъ» — 71, под 971 г.) или вроде Болеслава Польского («бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы седети» — 143, под 1018 г.). Олег, видимо, относился у Нестора к таким неоднозначно отрицательным персонажам.

И все-таки об отрицательном смысле высказывания «кормити и не вседати» свидетельствует сама его структура (делать, но не доделать, исказить и пр.). В летописи подобные выражения, обозначавшие нарушение обычного хода вещей, всегда относились к персонажам отрицательным или к поступкам, не одобряемым летописцем. Некоторые примеры уже были приведены: «поехати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня» (12); Святополк Окаянный — «бежащю ему... не можаше седети на кони» (145, под 1010 г.). Ср. еще: печенеги — «побегоша... и не ведяхуся, камо бежати» (151, под 1036 г.); «немцы» — «видехомъ въ храмех многи службы творяща, а красоты не видехомъ никоея же» (108, под 967 г.); латиняне — «влезъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ» (114, под 988 г.); монах «расслабленъ умом» — «в поющихъ от братья мало постоявъ... изидяше ис церкви... и не възвратяшется в церковь до отпетья» (190, под 1074 г.) и т. д. Так что Нестор осудительно относился к Олегу.

В рассматриваемом рассказе Нестора содержится еще ряд деталей, по-видимому, тоже отрицательно характеризующих Олега. Так, из рассказа следует, что Олег нарушил свое княжеское слово: сначала отказался видеть коня («ни вижю его» — 38), а потом вроде бы передумал («а то вижю кости его» — 39). Своих слов, обещаний и клятв не сдерживали в летописи только отрицательные персонажи. Правда, летописец никак не увязал эти два поступка Олега; да и произошло ли, по мнению летописца, нарушение данного князем слова? Ведь Олег обещал не видеть живого коня, а не мертвого. Отрицательное представление уклончивого Нестора об Олеге здесь трудноуловимо.

Но смысл других деталей, связанных с конем, в рассказе Нестора снова наводит на предположения о неблагоприятных оттенках в Несторовом изображении Олега. Так, Олег говорит: «Конь умерлъ есть, а я живъ» (39), — пристойно ли князю сопоставлять себя с конем? Далее: Олег «въступи ногою на лобъ» коня, — не карикатурна ли такая поза победителя («стати на ко-

стях») всего лишь над конским черепом? Еще: Олега «уклюну» змея, высунувшаяся из полого конского черепа, — соответствует ли княжеской чести столь приземленная смерть? Ответов на эти вопросы летопись не дает. Но в целом возникает стойкое подозрение в том, что Нестор все же имел какое-то неблагоприятное мнение о действиях Олега, однако прямо на этот счет предпочел не высказываться.

Подобное ощущение отрицательности отношения Нестора к Олегу поддерживается группой деталей, относящихся к иной теме в рассказе, — к волхвам. Свое объяснение странности поведения Олега Нестор начал с указания на переговоры Олега с волхвами. В других рассказах летописи «прельщенные» люди, верящие волхвам, всегда открыто осуждались: именно «невегласи послушаху» волхвов (174, под 1071 г.). Тех людей, которые слушают волхвов, Нестор тоже заклеймил открыто в своем комментарии к рассказу о гибели Олега: волхвы «знамения творяху... на прелщение окаянным человекомъ» (40); волхвы «прекостни имуще умъ... знаменають иною козньюна прелесть человекомъ, не разумевающих добраго» (41). Однако нельзя утверждать, что эту оценку «человекомъ» Нестор обязательно относил также и к Олегу, потому что она отстоит далеко от рассказа об Олеге, принадлежит не летописцу, но входит в обширную его выписку из «Хроники» Георгия Амартола[18]. Кроме того, сам Олег в рассказе, хотя сначала и послушал кудесника, но потом, лет этак на десять, как бы забыл о предсказании и в конце концов решительно обвинил всех волхвов во лжи. Так что остается под вопросом предположение, будто Нестор считал Олега «не разумевающим добраго».

Однако в первой половине рассказа, когда речь заходит о волхвах, содержатся еще две детали, все же более непосредственно свидетельствующие о неблагоприятных оттенках в Несторовом изображении Олега. Во-первых, князь обратился к волхвам, потому что стал опасаться смерти: «бе бо въпрашалъ волхъвовъ и кудесникъ: “От чего ми есть смерть?”» (38). Но отважному князю недостойно так суетливо бояться смерти. Не боялся ее, например, Святослав: «волею и неволею стати противу, да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костьми ту мертвы» (70, под 971 г.); не боялся смерти Василько Теребовльский: «не

боюся смерти» (266, под 1097 г.); не боялись гибели и другие князья: «убо смерть намъ зде, да станемъ крепко»[19] И напротив, страшилась смерти корыстная дружина Игоря, предпочитавшая отступить «не бившеся», а то может случиться «обьча смерть всемъ» (46, под 944 г.). На этот фоне опасливые расспросы Олега выставляют его в неприглядном виде, хотя летописец опять-таки никак не поясняет, почему Олег вдруг стал так беспокоиться.

Вторая неблагоприятная деталь: Олег, как сказано, «приим въ уме» предсказание кудесника. Выражение «приим въ уме», вероятно, означало у летописца ошибочное осмысление предсказания Олегом: и действительно, ведь Олег не смог расчислить умом, что ему грозит смерть не только от живого коня («конь, его же любиши и ездиши на нем, – от того ти умрети» – 38), но и от коня мертвого, даже от части коня, даже от старой кости его. Добавим, что «умъ» в летописи – категория отнюдь не положительная: умом люди заблуждаются, бывают расслаблены, впадают в смятение (41, под 912 г.; 120, под 1074 г.; 257, под 1097 г.); ум надо очищать (184, под 1074 г.); ума все время не хватает («умомъ простъ» – 208, под 1089 г.; «что ума придасте?» – 107, под 987 г.); умом бывают «горди» (12), и именно в гордом «възнесенье», по признанию одного из князей, «рекох въ уме своемь» (266, под 1097 г.). Правильное, успешное решение достигается только через сердце – так следует из летописи. Например, Владимир верное желание креститься «положи на сердци своемъ» (106, под 986 г.); и другие решения летописных персонажей оказывались правильными, когда они прелагали мысль в сердце, возлагали на сердце, утверждали сердцем, писали на сердце, обращали сердце, принимали в сердце, когда им «Богъ вложи в сердце» и т. д. Естественно, у Олега ничего этого не было, опора только на «умъ» стала гибельной. Однако и на этот раз никакого ясного осуждения Олега по этому поводу скрытный Нестор не допускает, оно читается лишь между строк.

Но и во второй половине рассказа, продолжающей тему волхвов, встречается странная деталь, опять выдающая, как можно предполагать, отрицательное отношение Нестора к Олегу, князь этот внезапно начинает вести себя насмешливо: «Олегъ же посмеася и укори кудесника» и у скелета коня снова «посмея-

ся» (39). Как известно, напрасно «посмеяся». Кто еще напрасно «посмеяся» в летописи? — явно отрицательный печенежин — над русским борцом (123, под 992 г.); порочные люди — над праведным Ноем (90, под 986 г.). Еще насмехаются отрицательные персонажи над положительными явлениями: языческая дружина Игоря — над христианской верой (Святослав признается: «дружина моа сему смеятися начнуть» — 63, под 955 г.); половцы — над иконами («на святыя иконы насмихающеся» — 233, под 1096 г.); бесы — над людьми («беси бо... насмихаются» — 175, под 1071 г.). То, что Олег «посмеяся» над словами кудесника, — еще куда ни шло; а вот то, что Олег «посмеяся» над бедными костями коня, характеризует князя отнюдь не положительно в данном летописном эпизоде. Да и «укоряют» в летописи другие персонажи обычно от явной наглости (141—142, под 1010 г.; 143, под 1018 г.; 233, под 1096 г.). Хотя аналогий маловато, но наши подозрения насчет Нестора кажутся небезосновательными, а вкупе все упомянутые детали побуждают думать об отрицательном отношении сдержанного Нестора к Олегу, но отношении, выраженном только лишь косвенно.

Кроме того, Нестор поместил Олега в некий зловещий мир, заполненный странностями и неожиданностями. Парадоксально ведет себя не только Олег, парадоксальны и другие персонажи и предметы: то, что любишь, грозит смертью («его же любиши... от того ти умрети» — 38); то, что оберегают, погибает («конь... его же бе поставил кормити и блюсти его... умерлъ есть» — 38—39); малоприятный, но безобидный предмет оказывается самым опасным («отъ... лба смьрть», «змиа изо лба» — 39) и пр. Мир в этом рассказе Нестора выглядит каким-то уродливым и смертоносным, — потому что это мир волхвов и их предсказаний, бросающий свой зловещий отсвет на Олега.

Правда, летописец ничего такого прямо не обобщает. Но, судя по другим рассказам летописи, мир волхвов, а также бесов, действительно, представлялся летописцам странным, противоестественным и античеловеческим («вы есте тма, и во тме ходите, и тма вы ятъ» — 197, под 1074 г.); в том числе и кони в этом мире искажались и вовлекались в зловещие смертоносные события: кони то превращались в «лобъ»; то являлись «на вздусе» (164, под 1064 г.); то заговаривали человеческим голосом

(165); то являлись невидимыми, и только их копыта или следы их копыт были видны (215, под 1092 г.). Персонаж, поверивший волхвам или бесам, подвергался смертельной опасности; в частности, перед ним появлялись змеи: «ово змие полозяху к нему» (197, под 1074 г.); страдали и ноги персонажа – то в лютый мороз «примерзняшата нозе его г камени», то «ногама босыма ста на пламени» (195–196, под 1074 г.). Конечно, аналогии рассказу о смерти Олега от укуса змеи в ногу тут не близкие. Но так или иначе все же можно предполагать, что Нестор осторожно выставил Олега в неблагоприятном свете.

Теперь требуются объяснения этому своеобразному отрицательному отношению Нестора к Олегу и скрытной манере его выражения. Самый первый вопрос заключается в том, лично ли Нестор так выразил свое неодобрительное или неблагоприятное отношение к Олегу или оно механически, вместе с заимствованным текстом, перешло из какого-то источника.

Один из источников Несторова рассказа о смерти Олега известен и бесспорен – им послужил «Начальный свод»[20], где без каких-либо комментариев сообщался только сам факт об Олеге: «идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре»[21] Исходя из характера этого сообщения, по тексту Нестора можно предположить (вычленить), что кратким, фактичным и неидеологичным мог быть и его второй, неведомый нам источник, связывающий смерть Олега случайно около коня, но не от коня, однако не упоминавший волхвов и зловещую роль коня. Вот примерный ход изложения в этом предполагаемом источнике: «И помяну Олегъ конь свои... и призва старейшину конюхом, рече: “Кое есть конь мъи, его же бе поставил кормити и блюсти его?” Он же рече: “Умерлъ есть” Олег же... прииде на место, иде же беша лежаще кости его голы и... змиа... уклюну в ногу, и с того умре» (39). Доводы о содержании этого чисто фактичного источника очень зыбки, потому что они опираются на некоторые несоответствия в Несторовом тексте, возникшие при переработке источника. Так, в этом источнике на сугубо «конскую» тему был вполне естествен диалог Олега с конюхом, а вот в Несторовом тексте этот диалог не имел никакого отношения к волхвам. Кроме того, становится понятно, почему в этом диалоге Олег упоминает об уходе за оберегаемым конем

(«кормити и блюсти») без каких-либо намеков на его роковую роль. Добавим, что сюжеты с поисками коня имели место в том же «Начальном своде» (отрок спрашивал: «Не виде ли коня никто же?» — 66, под 968 г.), а вот сочетания «конских» мотивов и волхвов в летописи, вообще склонной к повторению ситуаций, больше нет нигде. Так что, может быть, стоит допустить версию о существовании у многоопытного книжника Нестора целых трех источников, отнесенных к смерти Олега: во-первых, краткого летописного сообщения; во-вторых, источника без волхвов и, в-третьих, источника о каком-то предсказании волхвов.

Из всего этого следует догадка о том, что подобные неблагоприятные упоминания об Олеге мог сознательно вставить в свой рассказ все-таки, вероятнее всего, сам Нестор. Если догадка верна, то в таком случае возникают новые вопросы: во-первых, почему неблагоприятные упоминания об Олеге вообще появились в рассказе Нестора; во-вторых, составляют ли они целенаправленную тему; и, в-третьих, почему они скрытны. На первый вопрос ответ таков: Нестор ввел в летописный рассказ об Олеге совершенно новую тему — о волхвах и их предсказании, — и при этом благопристойный Нестор, конечно, не мог не осуждать обращения Олега к волхвам и кудесникам.

Ответ на второй вопрос: неблагоприятные замечания об Олеге все же не выстроились у Нестора в стройную тему — напротив, они отрывочны, детали не связаны в единое целое. Дело в том, что при изложении легенды центр внимания Нестора переместился с едва намеченной характеристики Олега на волхвов, на более важную для Нестора и развитую им тему сбываемости языческих предсказаний. Поэтому в рассказе повторялись ссылки на речи волхвов («рече ему кудесник... бяхуть рекли волсви... глаголють волъсви») и завершался рассказ обширнейшим теоретическим комментарием Нестора по поводу того, отчего же «от волхвования собывается чародеиство» (39), — главное растолковано, а относительно второстепенному для него предмету ученый монах Нестор уже не уделил особого внимания.

Наконец, ответ на третий, самый интересный для нас вопрос: скрытность отдельных неблагоприятных упоминаний об Олеге объясняется все-таки уважительным отношением

Нестора к Олегу, государственную роль которого летописец так старательно подчеркивал[22]. Возможным примером уважительного отношения Нестора к Олегу может послужить еще одно косвенное, но очень любопытное свидетельство в летописи об отрицательном облике Олега и зловещей атмосфере вокруг него. Рассказ о смерти Олега помещен под 912 г., ему предшествует сообщение под 911 г. о явлении кометы: «Явися звезда велика на западе копииным образом» (92). Никаких пояснений летописца по этому поводу нет, хотя в других местах летописи подобные небесные знамения всегда толкуются как недобрые. Но известно, что сообщение о комете вставлено в летопись Нестором[23] и взято оно из «Хроники» Георгия Амартола (вернее, у продолжателя Амартоловой «Хроники»)[24]. Сообщение о комете в «Хронике» Георгия Амартола имеет соответствующее толкование и, больше того, в чем-то перекликается с сюжетом о волхвах в летописном рассказе об Олеге: очередной византийский цесарь Александр «ничто же царское дело творя, но на пищу и на срамодеание упразднитися възлюби... При семь звезда явися велия от запада, копииника его нарицаху от сих злии, та звезда кровопролитие прознаменуеть в Костянтине граде, – глаголаху. Сь убо Александръ прелестникомъ и влъхвам себе предасть, послуша бо их... сеи же сими прелщен бысть... Оружие же Богомъ послано уязвен бысть...»[25] Вряд ли Нестора заинтриговал только сам по себе факт появления этой кометы, вне контекста сообщения о ней. Но и с уверенностью нельзя считать упоминание кометы намеком Нестора на то, какой он далее представит судьбу Олега. Смысл неблагоприятный опять скрыт, нейтрализован, скорее всего, благодаря уважительному отношению Нестора к Олегу: сразу после глухого сообщения о комете Нестор вставил торжественный договор Олега с греками, в котором Олег назван «великим князем русским» и «светлым князем» (33–34, под 912 г.).

Думается, что эта идейная тактичность Нестора распространялась не только на Олега, но и вообще на древнейших киевских правителей. В текстах, вставленных Нестором в начальную часть летописи, многочисленные, но всегда скрытые отрицательные характеристики содержались не только в рассказе об Олеге, но, например, и в рассказах о непутевом князе

Игоре[26]. Ограничусь только одним примером. Под 903 г. про Игоря Нестор рассказывает, на наш взгляд, довольно уничижительно: «Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзе и слушаша его» (29), – выросший Игорь, сын Рюрика, должен был княжить самостоятельно, а он все еще подчиняется Олегу и даже не участвует в походах: «Иде Олегъ на грекы, Игоря остави в Киеве» (29, под 907 г.). Это полная противоположность выросшему отважному Святославу, ср.: «Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти... воины многи творяше» (64, под 964 г.). Однако прямой оценки Игорю Нестор не высказывает. Можно даже предположить, что Нестор, оставив Игоря в Киеве, тем самым просто попытался объяснить отсутствие упоминания об Игоре в далее приводимом договоре победоносного Олега с греками, а ссылка Нестора на второстепенную роль Игоря лишь невольно получилась уничижительной. И все же приходится думать об отрицательном смысле Несторового сообщения об Игоре, потому что Нестор тут же добавляет еще один факт из жизни Игоря: «И приведоша ему жену от Пьскова именемъ Олгу» (29), – что это за ничтожный князь, который не сам выбирает себе жену? В «Древнейшем своде» сообщалось противоположное: «Игорь... приведе собе жену отъ Плькова именьмь Ольгу». Нестор переделал эту фразу. Ср. о другом князе: в «Начальном своде» говорилось, что Владимир Святославович сам «приводя к себе мужьски жены» (80, под 980 г.); однако это сообщение Нестор не изменил. В общем, Нестор с неодобрением отнесся к Игорю, но снова – только скрытым: ведь все-таки это «великий князь русский», как он неоднократно назван во вставленном Нестором же договоре Игоря с греками.

В текстах Нестора нет ни одного явного выпада против древнейших русских князей. Сомнение вызывает лишь одно сообщение: «И прозваша Олга вещим, бяху бо люди погани и невеигласи» (32, под 907 г.). «Вещим» – это хорошо или плохо, с точки зрения летописца? Пожалуй, нехорошо, судя по оценке, которую летописец дал «невегласам», прозвавшим Олега «вещим». Но показательно, что в адрес князя дипломатичный Нестор от себя не выносит никаких оценок. Внимательный читатель должен был делать выводы сам.

В то же время, в противоположность Нестору, в «Начальном своде» регулярно встречались прямые и резкие осуждения даже самых знаменитых деятелей: Игорь жаден («желая больша именья» – 54, под 945 г.); Святослав не почтителен к матери («аще кто матери не послушаеть, в беду впадаеть... смерть прииметь; се же к тому гневашеся на матерь» – 63–64, под 955 г.); кроме того, Святослав не любит свою родину («ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ» – 67, под 908 г.); Владимир развратен («прелюбодеи бысть убо», «бе несытъ блуда... бе бо женолюбець» – 78, 80, под 980 г.; «любя жены и блуженье многое» – 85, под 986 г.); Святослав Ярославович, внук Владимира, вероломен и властолюбив («преступивше заповедь отню, Святослав же бе начало выгнанью братню, желая болши власти» – 182, под 1073 г.); Всеслав Брячиславович, правнук Владимира, жесток («немилостивъ есть на кровьпролитье» 155, под 1044 г.) и пр.

В противоположность же «Начальному своду», в рассказах, вставленных, так сказать, «государственником» Нестором, древнейшие киевские правители и князья даже идеализировались: во вступлении к летописи Нестор опровергал «не сведущих» и отстаивал знатность Кия; в конце летописи утверждалось, что при древнейших князьях на Руси не происходило такого плохого, как на исходе XI в. («сего не бывало есть в Русскеи земли ни при дедех наших, ни при отцихъ наших» – 262, под 1097 г.); их заслуги оценивались очень высоко («землю нашю... беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим, храброствомь... поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую» – 263–264, под 1097 г.). Такое идеализированное мнение о предках, видимо, сложилось у Нестора под влиянием небывалых несчастий конца XI в. – нашествия половцев и княжеских междоусобиц: предки призваны помочь потомкам, – вот учительная позиция Нестора. К сожалению, из-за отсутствия других источников мы не знаем, широко ли было распространено подобное мироотношение или же нравоучительная идеализация предков была свойственна только Нестору индивидуально. Но пока именно глубокой уважительностью к предкам, в том числе к Олегу, и ориентацией на читательскую тонкость можно объяснить скрытность отрицательных высказываний Нестора об Олеге.

Не выходя за пределы летописного материала, можно поставить вопрос о происхождении этой «подразумевательной» манеры повествования. Конечно, не Нестору принадлежит заслуга ее открытия. В том, что подобного рода подразумевания отрицательных оценок имели старые литературные корни, помогают убедиться повествовательные куски в летописи, сохранившиеся еще от предшественников Нестора. Например, рассказ о хазарской дани с полян, вставленный в летопись еще Никоном в 1070-е гг.[27], содержит знаменательный перебой в повествовании. Хазарский отряд, собравший с полян дань мечами, вернулся к своему князю и старейшинам. Следует диалог сторон. Хазарские воины говорят: «Се налезохомъ дань нову». Князь и старейшины спрашивают: «Откуда?» Воины отвечают: «Въ лесе, на горахъ, надъ рекою Днепрьскою». Князь и старейшины продолжают опрос: «Что суть въдали?» И тут воины вдруг не дают ответа – «они же показаша мечь» (17). Далее старейшины разражаются речью, как будто получили ответ. Но почему промолчали хазарские воины? По-видимому, воины не знали, что такое мечи, не знали, как называются полученные ими предметы, и потому только показали образчик. Именно невежество хазарских воинов – черту, столь нелюбимую и открыто обличаемую в других летописных рассказах о других персонажах, – в данном рассказе, вероятно, и подразумевал летописец, притом, может быть, и не без некоторого отрицательного оттенка о хазарах: ведь поляне, как сказано в начале рассказа, «быша обидимы древлями и инеми околними» (16–17), в число которых входили хазары.

В подтверждение сошлемся на третью редакцию «Повести временных лет», где аналогичный жест растолковывается более или менее ясно в рассказе под 1096 г. о неведомом северном народе, окруженном непроходимыми горами[28]: «кажуть на железо и помавають рукою, просяще железа» (235), – не знают, как назвать его, потому что «есть не разумети языку ихъ» и потому что это «человекы нечистыя», «скверении языкы», нецивилизованные (235–236).

В рассказе же Никона о хазарской дани смысл жеста хазар и отношение автора к ним только подразумевались, скорее всего, потому, что главное внимание автор уделил вопросу о сбывае-

мости предсказания хазарских старейшин, а об остальном рассказал бегло и неполно, а кроме того, потому, что к хазарам этот летописец и не относился с враждебностью. Рассказ Никона подтверждает, что «подразумевательная» манера летописного повествования существовала еще до Нестора. То, как она конкретно складывалась и какого читателя имела в виду, покажут будущие исследования, тем более что мы рассмотрели далеко не все случаи подразумевания в рассказе о смерти Олега.

В заключение кратко коснемся вопроса об архаичности Несторова повествования. Сами по себе подразумевания оценок не составляют архаики. Считать рассказ о смерти Олега плодом архаичного литературного творчества позволяют, по крайней мере, два обстоятельства, непосредственно к оценке Олега относящиеся. Во-первых, непривычны для нас, то есть архаичны, использованные Нестором детали для скрытой характеристики Олега. Например, к несомненной архаике относится характеризование Олега через его отношение к боевому коню. Конь в «Повести временных лет» вообще является мерой качеств – мерой детскости («суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье лете сквозе уши коневи и удари в ноги коневи, – бе бо детескъ» – 58, под 946 г.); мерой дороговизны («и бе гладъ великъ, яко по полугривне глава коняча» – 74, под 971 г.); мерой высоты здания («въздано... възвыше, яко на кони стояще рукою досящи» – 150, под 1036 г.); показателем степени бодрости войска («конем ихъ не бе спеха в ногах» – 276, под 1103 г.) и степени паники («побегоша, хватающе кони» – 282, под 1107 г.) и пр. Семантика «конских» деталей целиком принадлежит к тому времени.

Во-вторых, к архаическому, то есть, сравнительно с нашими современными литературными нормами, недостаточно развитому, «подразумевательному» повествованию можно причислить вообще весь рассказ Нестора о смерти Олега из-за почти полного отсутствия в нем необходимых нам объяснений оценок. В рассказе Нестора просто начинается и развивается, в том числе вопросами Олега, некий внешний сюжет. Семантика таких «внешних» сюжетов также нуждается в изучении.

5. Летописные рассказы о княгине Ольге и древлянах (подразумевание зловещего)

В «подразумевательной» манере были изложены и летописные рассказы о расправе Ольги с деревлянами, а ведь эти рассказы под 945 г. принадлежали не Нестору, а появились еще в «Начальном своде»[29]

Остановимся только на самом выразительном и сравнительно толково изложенном рассказе о первой мести Ольги деревлянам. Уже давно разъяснено на основе внелетописных параллелей, что Ольга, обещав деревлянскому посольству оказать «*честь* велику» несением всех их в ладье («възнесуть вы в *лодьи*» — 56), на самом деле подразумевала их похороны[30] В тексте самой летописи у других летописцев тоже можно найти ряд аналогий мотиву похорон из рассказа об Ольгиной мести. Ср. связь похорон с отданием последних почестей умершему: «великъ плачь створиша над нимъ... спрятавше тело его *с честью*» (206, под 1086 г.); в третьей редакции «Повести временных лет» связаны почести и перезахоронение: «перенести мощи... на похвалу и *честь* телесема ею»[31] . Аналогия связи ладьи с похоронами умершего: «И вземше тело его, привезоша и в *ладьи*...» (202, под 1078 г.). Кстати говоря, связь ладьи с похоронами добавлена в той же летописной статье об Ольге и деревлянах, но составителем «Летописца Переяславля Суздальского» XV в., восходящего к более раннему своду XIII в.: деревлянский князь часто видел зловещий сон, будто «Олга даяши ему... одеяла чръны с зелеными узоры и *лодьи*: в нихъ несеннымъ быти, смолны»[32].

Кроме того, в рассказе о первой мести Ольги деревлянам заметно еще несколько похоронных мотивов, имеющих аналогии в летописи. Так, несение человека («понесете ны... и понесоша я» — 56) всегда в летописи (особенно в первой ее части) отмечалось как обязательная часть ритуала похорон или перезахоронения: «несоша и погребоша» (23, под 882 г.; 39, под 912 г. и др.), «мертва мняще и вынесше» (193, под 1074 г.), «преставися... и принесше ю» (212, под 1091 г.), «принесоша и́... и плакася по немь» (221, под 1093 г.) и т. д.

Далее. С мотивом похорон было связано копание ямы: «Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку» (56). Ср. в летописи же: «ископа яму, и вложи умершаго, и погребе и́... ископа яму, и вложиста, и погребости» (90, под 886 г.); «раскопаемъ... и сего загребем зде» (197, под 1074 г.). С мотивом похорон было связано и засыпание или насыпание могилы. Ольга, приготовив яму для деревлян, «повеле засыпати я... и посыпаша я» (56). Ср. в той же летописной статье под 945 г., как Ольга провела необходимую церемонию похорон своего мужа: «повеле... съсути могилу велику, и... соспоша» (57); ср. еще добавление в «Летописце Переяславля Суздальского» в рассказе о языческом похоронном обычае: «И егда кто умираше... съжигаху... и въ курганы сыпаху»[33].

В рассказе о первой мести Ольги есть и менее заметные архаические похоронные мотивы, касающиеся деревлян (не станем в них углубляться), есть и дополнительный, более общий мотив их смерти. Так, Ольга предлагает деревлянам: «лязите въ лодьи» (56). Но глаголы «лечи» и «лежати» в летописи прочно были связаны со смертью: «ляжемъ костьми ту мертвы... моя глава ляжетъ» (70, под 971 г.); «учашеть... о смертнемь часе... иде же лягу азъ» (212, под 1091 г.); «егда Богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеши, иде же азъ лягу, у гроба моего» (216, под 1093 г.). Лежали в рассказах летописи только мертвые: «лежать мощи его» (158, под 1051 г.; 209, под 1091 г. и др.); «лежить тело его» (281, под 1106 г.); «лежачие сечены» (148, под 1024 г.); «лежаще кости его голы» (39, под 912 г.). Или же лежали в предсмертном состоянии: «разболевшю же ся и конець прияти, лежащю ему в немощи» (189, под 1074 г.); «в немощи лежа» (145, под 1019 г.); «расслабленъ теломь... лежаше» (194, под 1074 г.) и т. п.

Наконец, летописный рассказ о первой мести Ольги добавляет еще один смысловой оттенок к мотиву о похоронах деревлян — похороны переходят в выбрасывание чего-то отвратительного, враждебного. Ведь деревлян, в отличие от описаний почтенных похорон, не положили в могилу, а «несъше, *вринуша* е въ яму и с лодьею» (56). Такому же позорному выбрасыванию куда-то вниз подверглись в летописи, например, Перун («*вринуша* и́ въ Днепръ» — 117, под 988 г.) и омерзительный урод-«детищь» («*ввергоша* и́ в воду» — 164, под 1064 г.).

В общем, рассказ о первой мести Ольги содержит довольно богатый комплекс мотивов, подразумевающих, что над древлянами совершается похоронный обряд. И развитие сюжета подтверждает это. Но по мере чтения летописного рассказа все настойчивей встает вопрос, почему здесь все основано только на подразумеваниях. Приписать это непонятливости летописца, его невниканию в суть дела при торопливом пересказе только внешней канвы легенды никак нельзя. Ведь сам же летописец, несомненно, понимая, о чем идет речь, прервал повествование о якобы мирном диалоге Ольги с деревлянами внезапным предупреждением о повелении Ольги вырыть яму на своем дворе для деревлян. Подразумевания в речах Ольги, конечно, показывали, насколько умна и как тонко может себя вести Ольга и, напротив, как чужды ей, невежественны и грубы деревляне. Однако многократное и даже демонстративное повторение похоронных мотивов в рассказе свидетельствует, что не только в характеристике Ольги или деревлян тут было дело...

Склонность летописца к последовательно «подразумевательному» повествованию можно объяснить тем, что летописец ожидал от читателя недюжинной сообразительности, ставил читателя как бы в положение проницательного участника событий, который сам должен догадываться по неким деталям о подлинном смысле речей и действий летописных персонажей. Возможно, поэтому в начале рассказа летописец специально вводил читателя в состояние осведомленного участника, относительно подробно указывая, где именно протекала река в том месте, куда пристали деревляне; где «бе бо тогда» град Киев, к которому их потом вознесли; где находился княжий двор и «теремъ каменъ», в котором сидела Ольга и пр. (55). А дальше читателю предстояло разбираться уже самому, — так мы можем (не без сомнений) трактовать цель летописца. Не без сомнений, — потому что летописец нигде даже словом не обмолвился о чтении летописи и о ее читателях. Но ведь не для самого себя он писал.

Наше предположение, может быть, не о совсем намеренном, но все-таки о расчете летописца на сообразительность этого смутно представляемого читателя, пожалуй, подтверждается не рассказами о второй и третьей мести Ольги (они слишком

скомканы и неясны), а рассказом о четвертой мести Ольги деревлянам, помещенном уже под 946 г. и принадлежащим Нестору[34]. Здесь подразумевание, как давно было отмечено Д. С. Лихачевым же, строится на довольно редком в летописи средстве – на игре слов, настойчиво повторяемой в рассказе. Ольга обращается к деревлянам с двусмысленными словами: «хощю дань имати помалу... мало у васъ прошю... прошю у васъ мало... у васъ прошю мала» (58–59). На самом деле Ольга хочет в виде зловещей для деревлян дани взять деревлянского князя Мала (полностью лишить их самостоятельности?). Но нужного для нас пояснения по этому поводу нет в этом рассказе. Зато в предыдущих рассказах имя Мала неоднократно упоминалось и даже без особой нужды напоминалось: «деревляне... со княземъ своимъ Маломъ... за князь свои Малъ... за князь нашь за Малъ, бе бо имя ему Малъ князю деревьску» (54–56). Читателю, таким образом, оставалось только припомнить и сообразить.

Однако и на этот раз с полной уверенностью нельзя утверждать, будто летописец так уж целеустремленно добивался проницательности от читателей, – ведь развитием сюжета не было подтверждено подразумевание, так как о дальнейшей судьбе Мала, за которым столь хитроумно охотилась Ольга, летописец почему-то не сказал ничего, даже намеком.

И все-таки есть некоторое основание считать, что, рассказывая об Ольге, летописец, по крайней мере составитель «Начального свода», исходил из следующей учительной предпосылки, каким желательно быть человеку: надо верно понимать, что же тебе говорят и что из этого следует. Ольга послужила у летописца образцом проницательности. Например, рассказ о переговорах Ольги с византийским цесарем, который витиевато намекнул Ольге, что он не прочь жениться на ней, а Ольга мгновенно «разумевши» намек, составитель «Начального свода» сопроводил соответствующим одобрением Ольгиной сообразительности: «видевъ ю... смыслену, удививъся царь разуму ея» (60, под 955 г.)

В рассказах о переговорах с деревлянами летописец тоже сочувственно показал проницательность и изворотливость Ольги в понимании и толковании обращенных к ней речей. Так, в рассказе о первой мести деревляне предлагают Ольге:

«да поиди за князь нашь за Малъ» (56), – слова деревлян звучат как ультиматум, но Ольга нейтрализует их суть, двусмысленно называя это требование «речью» («люба ми есть речь ваша»), то есть просьбой, мольбой (в летописи перед рассказами об Ольге слово «речь» имело и такое значение; ср. под 898 г.: «речи вся словеньскихъ князь» толкуются как «Словеньска земя просящи» – 26; под 944 г.: «речь цареву» летописец толкует, будто византийский цесарь «моля и глаголя» – 45). А далее Ольга и прямо называет это же требование деревлян просьбой: «да аще мя просите право...» (56). Здесь нужно обратить внимание не только на слово «просите», но и на слово «право»: просите действительно или просите по всем правилам, – ведь деревляне перед тем, как придти к Ольге, замыслили поступать как им заблагорассудится («створимъ... яко же хощемъ» – 55), но Ольга и этот замысел провидела, выслушав речи деревлян.

Наконец, в Несторовом рассказе о четвертой мести Ольга опять предстает прекрасно понимающей невысказанную суть речей. Осажденные в своем городе деревляне предлагают заплатить Ольге дань, казалось бы, традиционными для них ценностями: «ради даемъ медомь и скорою» (58). Но Ольга сразу раскрывает обман: «Ныне у васъ несть меду, ни скоры... вы бо есте изънемогли в осаде» (59–60). Ведь если бы Ольга согласилась на предложенную дань, то тогда деревляне попросили бы ее выпустить их в лес для сбора меда и охоты, а там их ищи-свищи.

Образцовая восприимчивость Ольги, возможно, была изображена уже в «Древнейшем своде», в сцене ее крещения константинопольским патриархом: «она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья» (61, под 955 г.[36]). Никто из князей так истово не вслушивался в речи. И тут же по контрасту летописец осудил крайнюю невосприимчивость, проявленную Святославом: речи Ольги Святослав не слушал, «не брежаше того ни во уши приимати», «не внимаше того» (63). Это сообщение составитель «Древнейшего свода» сопроводил целым поучением: таким людям «ушюма тяжько слышати», «простроххъ словеса, и не внимасте», «ни хотяху... внимати», «не смыслиша бо, ни разумеша» и пр. (63–64). Судя по рассказам об Ольге, нравоучительная проблема понимания речей явно обо-

стрилась в «Начальном своде» и затем в «Повести временных лет», усилилась и ее литературообразующая роль.

6. Летописный рассказ о крещении Руси (подразумевание усвоенного)

Этот фактографически довольно скудный рассказ содержит разные виды подразумеваний. Он начинается картиной уничтожения языческих кумиров: Владимир «повеле кумиры исповрещи, овы осечи, а другия огневи предати. Перуна же повеле... тети жезльемь, – се же не яко древу чюющю, но на поруганье бесу» (166, под 988 г.). Первая процитированная фраза, по догадке А. А. Шахматова[37], принадлежит «Древнейшему своду», а вторая фраза – уже «Начальному своду», но тем не менее обе фразы имеют одинаковую семантическую особенность: обе лишь подразумевают, но прямо не оговаривают, что кумиры – деревянные. Первая фраза: раз кумиров секут и сжигают, то, значит, они не каменные или металлические, а деревянные. Вторая фраза в своей назидательной части уже мимоходом упоминает «древо», более ясно подразумевая, что Перун был деревянным.

Летописец ограничился подразумеваниями деревянности кумиров, вероятно, не только потому, что сам помнил ранее сказанное, но и потому, что рассчитывал на последовательно читающих летопись, на их знакомство с предыдущим летописным изложением, которое упоминало «Перуна древяна» и повторяло, что «не суть то бози, но древо... делани руками в дереве», что эти кумиры «древо суть»; а раз «кумиры древяны», то «огнь зажьже идолы» и пр. (79, под 980 г.; 82, под 983 г.; 85 и 92, под 986 г.).

Многое в рассматриваемом рассказе о крещении кратко напоминало читателю летописи о ранее более подробно рассказанном. Вот только некоторые примеры. Под 988 г. напоминается эпизод из рассказа об осаде Корсуня Владимиром: «на горе, иде же съсыпаша среде града, крадуще персть приспу» (116); ср. отрывок из предшествующего рассказа под 986 г.: «крадуще сыплемую персть... сыплюще посреде града» (109). Под 988 г. кратко же напоминается и о пантеоне языческих богов, собранном

Владимиром: «церкви... поставляти по местомъ, иде же стояху кумиры, и постави церковь святаго Василья, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье» (118); ср. изложенное гораздо раньше в «Древнейшем своде»: «постави кумиры на хълму... и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими»[38]; ср. в «Начальном своде» под 980 г.: «постави кумиры на холму...: Перуна... и жряху имъ... требами своими» (79). Кроме того, сетования дьявола под 988 г., несомненно, перекликались с его же речами в предшествующем рассказе под 983 г.; см. под 988 г.: «прогоним есмь... где бо мняхъ жилище имети, яко сде не суть ученья апостольска» (118); ср. под 983 г.: «прогонимъ бяше... мняшеся... яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили» (83). Вряд ли все это простые повторы. Можно предположить, что в рассказе о крещении серией прямых и косвенных напоминаний о ранее изложенных сведениях, включая подразумевание деревянности Перуна, летописец проявлял свою памятливость и одновременно так или иначе побуждал читателей летописи к воспоминанию о прочитанном, в том числе к памяти на детали.

Правда, прямых настояний летописца к этим призрачно представляемым читателям о том, чтобы помнить прошлое, нет в рассказах, но в качестве образца для читателей показано, как ведут себя летописные персонажи, которые на это прошлое, изложенное ранее в летописи, то и дело ссылаются, когда приближается крещение. Бояре Владимира поминают крещение Ольги: «Аще бы лихъ законъ гречьскии, то не бы баба твоя прияла Ольга» (108, под 987 г.); Владимир упоминает проведенное его мужами испытание вер: «еже бо ми споведаша послании нами мужи» (110, под 988 г.). Византийские цесари поминают, «колько зла створиша русь грекомъ» (там же; ср. раньше, под 912 г.: «многа зла творяху русь грекомъ» — 30). «Людье» вспоминают прошедшее и описанное раньше в летописи крещение Владимира и его бояр: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли» (117, под 988 г.). Даже дьявол напоминает о прошлом Руси, где, по его словам, не учили апостолы (апостол Андрей, по летописной легенде, действительно, только прошел, но не учил) и где «ни суть ведуще Бога» (118, под 988 г.;

ср. в летописи раньше: «не ведуще закона Божия» — 14) и «служаху мне» (ср. раньше же: «жряху бесомъ» — 79, под 980 г.).

Обращенность к читателям ощущается и в том, что в рассказах о подготовке и принятии крещения исторические напоминания имеют поучительный оттенок, иногда переходят в большие исторические экскурсы (см., например, «Речь философа» под 986 г. и речь корсуньского епископа под 988 г.), сопровождаются и завершаются поучениями летописца к «нам грешником» (под 983 и 988 гг.): помни и учись.

В первой половине летописи не все исторические напоминания и подразумевания были связаны с темой крещения, некоторые упоминания имели в виду памятливость читателя на прочитанное в летописи, но вовсе не относящееся к крещению. См. явные ссылки летописца для читателей на предыдущее изложение: «Словеньску языку, *яко же рекохомъ*, жиуще на Дунаи... Поляномъ же жиущемъ особе, *яко же рекохомъ*» (11—12; ср. о том ранее 5 и 9). Или очень известный пример — о Владимире Рогнеда говорит: «Не хочю розути робичича» (76, под 980 г.), здесь двойное подразумевание[39]. Одно: «розути» — разувание мужа как часть свадебного обряда — предполагает знание этого обычая читателем; второе: «робичич» — сын рабыни — предполагает знакомство читателя с предшествовавшим летописным сообщением под 970 г. о незнатности матери Владимира, которая служила ключницей у Ольги. Читателю летописи, таким образом, требовалось разного рода догадливость и памятливость.

Но вернемся к рассказу о крещении. В этом очень расплывчатом и скупом рассказе встречаются и более интересные случаи подразумевания. О подразумевании необычности этой церемонии мы говорили в первом разделе данной статьи. Здесь же обратим внимание на такой способ летописного повествования, когда герой велит персонажам что-то делать, а цель действий не раскрывает: «Посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: "Аще не обрящеться кто заутра на реце — богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ — противенъ мне да будеть"» (117). Зачем киевлянам надо было являться на реку и на какую именно реку, Владимир не объявил — так изложено в летописном рассказе. Но из рассказа же следует, что киевляне, оказывается, знали, куда надо идти — на Днепр, и знали, зачем идти — на

крещение, так как «с радостью идяху» на него и рассуждали о нем («се... добро... сего... прияли»). Это читателям рассказа надо было догадываться, о чем идет речь; но догадываться было легко и по знанию обряда крещения, и по развитию соответствующей темы в летописи.

Чем подкрепить наше предположение об ориентации летописцев на догадливых читателей? Склонностью летописцев к стимулированию читательской догадливости отличается вся первая половина летописи, притом в разновременных рассказах от «Древнейшего свода» до Нестора. Нередки рассказы, в которых персонажей наставляют, как им поступать, но цель действий не указывается, а только подразумевается. В этом отношении особенно выразителен принадлежащий Нестору рассказ о так называемом белгородском киселе[40] В осажденном печенегами Белгороде некий белгородский старец говорит горожанам: «Послушаите мене... и я вы что велю, створите» (128, под 997 г.). Велит он им следующее: «"Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отрубъ" Повеле женамъ створити цежь... и повеле ископати колодезь и вставити тамо кадь. И повеле другыи колодязь ископати и вставити тамо кадь. И повеле искати меду... и повеле росытити велми и вългяти в кадь в друземъ колодязи. Утро же повеле послати по печенегы... Горожане беспрекословно выполняют поручения, но цель всех этих приготовлений не раскрывается в рассказе, – о ней, очевидно, надо догадаться по внешнему ходу действий, по развитию сюжета. Но догадаться кому? Горожане, как следует из дальнейшего изложения, уже знали цель – обмануть печенегов. Поэтому в присутствии печенегов («да узрите своима очима») белгородцы черпали еду якобы из колодцев: «Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеемъ бо кормлю от земле». Печенеги поверили и сняли осаду. Таким образом, о цели действий предстояло догадываться именно читателям рассказа, не без подсказки самих персонажей, а может быть, и по аналогии с тем, как принято было учить реальному делу в те времена: не общими инструкциями, а методом последовательных практических шагов, приводящих к искомой цели.

Правда, мораль подобных подразумеваний (умный человек должен понимать, для чего что-то велят делать) никак не обо-

значалась летописцами в рассказах такого типа. Иногда даже оставалось неясным, а понимали ли сами персонажи цель или смысл предписываемых им действий. Например: «И повеле Олегъ воемъ своимъ колеса изделати и воставляти на колеса корабля» (30, под 907 г.), – что думали при этом воины, не сказано. Только по дальнейшему изложению событий читатель мог догадаться, зачем были поставлены корабли на колеса. Однако, повторим, что по поводу сообразительности, догадливости и памятливости никаких специальных советов или хотя бы намеков читателям или людям в летописи нет. Так что склонность летописцев XI – начала XII в. как-то использовать читательскую заинтересованность и догадливость, скорее всего, формировалась стихийно и еще не стала фактом осознанного, преднамеренного, декларируемого литературного творчества летописцев. Такова литературная архаика.

Заключаем наше исследование предварительными размышлениями по истории идеи сообразительности=догадливости в летописи. Нельзя не заметить, что архаическое «подразумевательное» повествование в заметной степени встречается преимущественно в начальной, эпичной части «Повести временных лет», в рассказах о событиях, не выходящих за пределы конца X – начала XI в. Далее же изредка попадаются в рассказах непоясняемые детали, смысл которых может быть недостаточно понятен лишь нам, но он был ясен и летописцам, и читателям того времени. Например, под 1022 г. рассказывается о том, как тмутороканский князь Мстислав Владимирович согласился на поединок с касожским князем Редедей. Редедя: «Идеве ся сама боротъ»; Мстислав: «Тако буди» (146–147). Но Редедя добавляет: «Не оружьемь ся бьеве, но борьбою». Ответ Мстислава на этот раз почему-то не приводится, но, очевидно, Мстислав согласился, так как соперники «яста ся бороти крепко». В конце концов Мстислав, призвав Богородицу на помощь, победил Редедю: «удари имь о землю». Но самое неожиданное для нас: «и вынзе ножь и зареза Редедю». Неужели Мстислав, помянувший Богородицу, тут же поступил неблагородно и все-таки применил оружие? Среди возможных объяснений, на наш взгляд, наиболее приемлемо следующее: нож не считался оружием, это, скорее, предмет хозяйственный, поварской, – что по рассказам

летописи ясно видно. Так что Мстислав не нарушил договоренности. И дальше в рассказах летописи ни о чем особенно догадываться уже и не надо, в том числе и нам, — все растолковано летописцами.

Как все это соотносится с историей раннего летописания? Рассказ о Мстиславе и Редеде был вставлен в летопись Никоном[41] и в эволюции «подразумевательного» повествования мало что значил. На основе дониконовских же материалов можно предполагать, что склонность летописцев озадачивать читателей была выражена слабее в «Древнейшем своде», чем в более поздних сводах. Вот лишь один пример. В «Повести временных лет» под 980 г. рассказывается, как воевода великого князя киевского Ярополка Святославовича предал своего властителя на смерть, — подучая его делать определенные шаги, но не сообщая, к чему они на самом деле приведут: «Побегни за градъ... Твори миръ съ братомъ своимъ... Поиди къ брату своему...» и т. д. (77–78). В результате беззащитный Ярополк пришел к своим убийцам, которые подняли его «мечьми подъ пазусе». Этот рассказ излагался еще в «Древнейшем своде»[42], притом без какой-либо «подразумевательности», — ведь о замысле воеводы-предателя читатель был предупреждаем летописцем неоднократно: воевода «лукавьствоваше на князя своего лестью... преда князя своего... се бо бысть повиненъ крови тои... самъ мысля убити Ярополка... замысля лестью...» и пр. Своей нравоучительной пояснительностью этот рассказ о расправе Владимира с Ярополком в «Древнейшем своде» принципиально отличается, например, от интригующих своей «подразумевательностью» рассказов о расправах Ольги с деревлянами в «Начальном своде» и у Нестора.

Усиление «подразумевательности» в «Начальном своде» и в «Повести временных лет» и стимулирование летописцами читательской (и вообще людской) проницательности, возможно, были вызваны умственным кризисом конца XI в., когда, по признаниям в самой летописи, то один, то другой правитель «нача любити смыслъ уных» и «не сведуще» в делах, «не здумавъ с болшею дружиною», а «начаша друзии, несмыслении глаголати» (217–218, под 1093 г.), когда правитель «въсприимъ смыслъ буи... послушавъ злых советникъ», «имы лсти веры» (230, 238,

под 1096 г.), «емъ веру лживым словом», «смятеся умом», «не ведыи лсти, иже имаше на нь» (257–258, под 1097 г.) и пр. Летописцу приходилось сожалеть по поводу произошедших несчастий и падения умственного и нравственного уровня людей: «на христьяньсте роде страхъ, и колебанье, и беда упространися... тако да накажемъся... кажеми есмы.... да... Владыку познаемъ... освятившеся, не разумехом... паче всехъ просвещени бывше... и презревше» (223–225, под 1093 г.). Впрочем, связывание «подразумевательности» летописного изложения с умственным кризисом конца XI в. (который надо изучать особо) пока является не более чем общим преположением.

И если допустить, что так оно и было и учительная настроенность летописцев обогатилась новым элементом, то в таком случае, почему «подразумевательность» исчезла или почти исчезла в «Начальном своде» и в «Повести временных лет», начиная с рассказов о временах Ярослава и до конца летописи? Ответ на этот вопрос совершенно неясен, и приходится цепляться за очень шаткую схему: вероятно, имело значение состояние устных источников, которые удавалось использовать летописцам; если устный источник больше, чем на век был старше летописца, то при включении в летопись устные предания, ценные, но уже не всегда понятные летописцу, нуждались в осмыслении или в осторожном переосмыслении. Вот почему именно начальная часть летописи и стала средоточием «подразумевательного» повествования. Но непреодолимая трудность для обоснованных выводов на этот счет состоит в том, что мы не знаем этих устных источников. Может быть, что-либо дополнительно прояснится в истории «подразумевательного» повествования при обращении к другим древнейшим произведениям литературы и фольклора Древней Руси.

Остается охватить материал в целом. Самой главной причиной «подразумевательности» летописного повествования являлась его вынужденная конспективность, порожденная то глухостью сведений, дошедших до летописцев, то необходимостью лишь кратко пересказывать легенды в летописи. Недаром «подразумевательность» проявилась только в летописных рассказах об очень древних для летописцев временах.

Сохранению «подразумевательности» в летописном повествовании содействовала еще одна, пусть и второстепенная, но содержательная причина — своего рода идеал человека у летописцев XI — начала XII в., — не только политический идеал князя, заставлявший летописцев отказываться от открытого произнесения отрицательных оценок старым князьям, но и интеллектуальный идеал человека вообще, оправдывавший лаконичность летописного изложения. Что это был за идеал? Положительный человек, по представлениям летописцев, прежде всего должен быть умен и сообразителен, то есть «смыслен», «мудр», «разумлив». Этот интеллектуальный идеал летописцы выражали повторением указанных положительных оценок разным людям.

Так, положительными людьми летописцы считали всех старинных героев, принявших и распространявших христианскую веру, и именно их ум подчеркивали. Например, больше всех летописцы хвалили «*смыслену*» княгиню Ольгу, которая, первой из князей приняв христианство, «искаше *мудростью* все въ свете семь» (60, 62, под 955 г.) и «бе *мудрешии* всех человекъ» (108, под 987 г.). Несколько меньше из тех же похвал досталось Владимиру Крестителю: «ты, князь, еси *мудръ и смысленъ*» (84, под 986 г.). Не обойдены аналогичной похвалой были и Владимировы послы, отдавшие предпочтение христианской вере при выборе вер: они — «мужи добры и *смыслены*» (107, под 986 г.). Наконец, все «мы» — старательные читатели божественных книг — тоже становимся умнее: «*мудрость* бо обретаемъ» (152, под 1037 г.).

Однако к положительным людям летописцы причисляли не только христиан, но и некоторых язычников, и тогда у таких язычников летописцы тоже отмечали их ум и мудрость. Например, поляне, раз они благородные охотники с кроткими и тихими обычаями, охарактеризованы как «мужи *мудри и смыслени*» (9). Ветхозаветный Соломон, «иже возъгради церковь Богу и нарече Святая Святыхъ», — соответственно «бысть мудръ» (97, под 986 г.).

Но однажды, неведомо за какие заслуги, в летописи назван умным явный враг — польский король Болеслав I Великий: он «бяше *смысленъ*» (143, под 1018 г.). При этом ничего положительного о Болеславе летописец не сообщил, кроме, может

быть, одного обстоятельства: Болеслав обиделся на публичные оскорбления его чести со стороны действительно подлого киевского воеводы, бросился в бой на русское войско и победил. Наверное, так и должен был поступить рыцарственный воин, и, может быть, за это летописец назвал его «смысленным»? Во всяком случае, другие персонажи, тоже положительные в воинском отношении, заслужили у летописца аналогичную оценку: «мужи *смыслении*» (218, 219, под 1093 г.).

Кроме того, умность положительных людей в летописи выражалась еще в том, что они многое «разумеют»: княгиня Ольга – «*разумевши*» (61, под 955 г.); «*разумевъ* Великыи Феодосии... старець именемь Матфеи бе прозорливъ... и *разуме* старець» (189–191, под 1074 г.) и т. д. И напротив, абсолютно или в момент рассказа отрицательные персонажи ничего «не разумеют» в соответствии с Псалтырью, цитируемой летописью: «не смыслиша бо, ни разумеша во во тьме ходящии» (63, под 955 г.). Так, приглуповатый монах Исакий «не разуме бесовьскаго деиства, ни памяти прекреститися» (192, под 1074 г.).

В общем, нельзя утверждать, что у летописцев сформировался твердый идеал положительного человека как умного, но какая-то тенденция к этому была. Нельзя утверждать и регулярность воздействия этого архаического своей неразвитостью, полусформировавшегося идеала на «подразумевательность» летописного повествования: лишь примерно в половине случаев «подразумевательные» рассказы в летописи сопровождались ссылками на «смысленность», мудрость, разумность и разумение персонажей, и то это были мимолетные упоминания, а в остальных «подразумевательных» рассказах летописцы не вспоминали об уме человека, даже косвенно. В литературном отношении «подразумевательное» летописное повествование интереснее причин, его вызвавших.

Попытки расширить зону «подразумевательного» повествования в древнейшей книжности Руси оканчиваются неудачей. Нечто аналогичное отыскивается, пожалуй, только в древнейшем же фольклоре. В качестве примера для предварительного рассмотрения сошлемся на архаичную былину «Потук Михайла Иванович»[43], в старейшей ее записи в так называемом «Сборнике Кирши Данилова» 1780-х гг., переписанном с руко-

писи 1740-х гг.[44] Былина начинается с того, что киевский князь Владимир на пиру посылает к морю синему богатыря Потока настрелять гусей, лебедей и уток для княжеского стола.

Поток Михайла Иванович
Не пьет он, молодец, ни пива и вина,
Богу помолясь, сам и вон пошел.
А скоро-де садился на добра коня,
И только ево увидели,
Как молодец за ворота выехал:
В чистом поле лишь дым столбом[45]

В тексте прямо сказано о быстроте лишь приготовлений Потока («*скоро*-де садился на добра коня»), а быстрота всей его поездки и прибытия на место только подразумевается. На то, что здесь подразумевалась быстрота именно всех действий Потока, указывают аналогичные эпизоды о поездках из других былин, переписанных в «Сборнике Кирши Данилова» и открыто подчеркивающих быстроту поездок персонажей. Так, в архаической былине «Иван Гаденович»

А *скоро*-де Иван снарежается,
А *скоря* тово поездку чинит
Ко городу Чернигову.
Два девяноста-то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.
⟨...⟩
Скоро молодцы те собираются,
А *скоря* тово поездку чинят.
⟨...⟩
Царь Афромей Афромеевич
Скоро он вражду чинил
Обвернется гнедым туром,
Чистыя поля туром перескакал,
Темныя лесы соболем пробежал,
Быстрыя реки соколом перелетал,
Скоро он стал у бела шатра (98, 100, 102).

Подчеркнуто скорые подготовка и передвижение героев являлись общим местом многих былин. Ср. былину «Чурила Пленкович»:

Втапоры Владимер-князь и со княгинею
Скоро он снарежается,
Скоря тово поездку чинят (113).

В архаической былине «Про Ставра-боярина» его молодая жена

Скоро она нарежается
И *скоро* убирается
⟨...⟩
И поехала с великою свитою
⟨...⟩
Оне *скоро* поскакали со добрых коней (91–93).

Скоро выезжали из дому, скоро и возвращались домой. В той же былине «Потук Михайла Иванович»:

Втапоры Поток Михайла Иванович
Садился на своего добра коня
⟨...⟩
И *скоро* он поехал к городу Киеву
⟨...⟩
Нигде *не мешкал, не стоял.*
⟨...⟩
Скоро Поток скочил со добра коня.
⟨...⟩
Авдотьюшка Лиховидьевна полетела она
Белой лебедушкой в Киев-град
⟨...⟩
⟨...⟩ в свой дом *ускорить* могла (150–151).

Ср. в былине «Иван Гаденович»:

Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву,
Скоро Иван на двор прибежал (99).

Вообще всякие дела делались скоро, в том числе свадьбы. Так, в былине «Потук Михайла Иванович»:

Скоро втапоры нарежалася и убиралася
⟨...⟩
Скоро обрученье сделали.
⟨...⟩
И *не мало замешкавши*
День к вечеру вечеряется (152).

Ср. в былине «Добрыня чудь покорил»:

А *скоро* эта свадьба учинилася,
И *скоро* ту свадьбу к венцу повели (138).

Таким образом, былины, как правило, неоднократно и повсеместно подчеркивали скорость всего комплекса действий персонажей, и на этом фоне единичное упоминание скорости лишь посадки героя на коня и лишь косвенное обозначение скорости поездки («и только ево и увидели») в начале былины «Потук Михайла Иванович» выглядит как результат сокращения или небрежности пересказа. И действительно, текст этой былины в «Сборнике Кирши Данилова» содержит многочисленные сокращения[46]. И в других былинах отсутствие прямых обозначений скорости персонажей встречается достаточно редко и притом преимущественно в местах сокращений или путаности изложения. Например, в окончании былины «Иван Гаденович» царь Вахрамей:

Только ево увидели,
Что обвернется гнедым туром,
Поскакал далече во чисто поле к силе своей (105).

Традиционного прямого обозначения скорости действий персонажа здесь нет, потому что конец былины заменен кратким прозаическим пересказом[47] Сходна текстовая ситуация в былине «Первая поездка Ильи Муромца в Киев». Илья Муромец

Берет благословение великое у отца с матерью.
А только ево, Илью, видели.
Уехал? Оказывается, еще нет:
Прощался с отцом, с матерью
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего (232).

Выражение «а только ево, Илью, видели» явно не на месте, изложение спутано, оттого и прямое упоминание скорости сбора Ильи, по всей видимости, выпало, забыто. И далее снова такое же нарушение:

Оне только Илью видели,
⟨...⟩
И стегает Илья он добра коня (242).

То есть уехал, а затем еще лишь собирается в путь. Причина нарушения: в этом месте повествование вообще сильно сокращено[48]. И самое главное: никаких намеков в текстах былин на ожидаемую догадливость читателей или слушателей не просматривается ни в местах подразумеваний, ни где-либо еще. Можно утверждать, что единственной причиной получившихся подразумеваний в былинах служили механические сокращения или пересказы текстов. Хотя этот, возможно, чересчур решительный вывод нуждается в более основательных наблюдениях.

Тем не менее, как связаны подразумевания в былинах и «подразумевательное» повествование в старейшей летописи? Один случай вроде бы указывает на влияние фольклорной подразумевательности на летописную подразумевательность. Под 968 г. в летописи пересказана легенда об осаде Киева печенегами и о киевском отроке, который ухитрился пройти «сквозе печенеги» и помог известить князя Святослава о печенежском нападении: тогда, «то слышавъ, Святославъ, *вборзе* вседе на коне съ дружиною своею и приде Киеву» (67). О подразумевательности былинного изложения напоминает то, что в приведенном летописном сообщении упомянуто только о скором всаждении героя на коня, а дальнейшая спешная скачка Святослава лишь подразумевается. Как бы ни истолковывать подобное сходство, но показательно, что подразумевание в этом месте летописного повествования появилось именно в сокращенном пересказе фольклорной легенды летописцем, в самом конце рассказа.

Сделанный нами крайне предварительный экскурс в словесность за пределы летописи побуждает предполагать, что манера «подразумевательного» повествования и надежды на догадливого читателя и вообще на понимающего человека все-таки были свойственны только ранним киевским летописцам XI – начала XII вв. и то лишь тогда, когда они перерабатывали фольклор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись / Текст памятника подгот. Е. Ф. Карский. Стб. 7–8. Далее столбцы указываются в скобках. Древнерусские тексты здесь и далее цитируются с упрощением орфографии.

[2] Обзор точек зрения и доводов по этому вопросу см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 337–343. См. еще: Повесть временных лет / Текст, перевод, статью и комментарии подгот. Д. С. Лихачев. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 330–331.

[3] «Действительно, легенда эта была включена в одну из первых редакций "Повести временных лет" и отсутствовала в предшествовавшем "Повести временных лет" Начальном своде» (Повесть временных лет / Комментарии Д. С. Лихачева. С. 388). Ср.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. 7–8.

[4] Ср., например, апокрифические тексты, изданные в кн.: *Истомин К. К.* Из славяно-русских рукописей об апостоле Андрее. СПб., 1904. Обзор соответствующих апокрифов см.: *Понырко Н. В., Панченко А. М.* Апокрифы о Андрее Первозванном // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 49–54.

[5] См.: Повесть временных лет / Комментарии Д. С. Лихачева. С. 388; *Никитин А. Л.* Основания русской истории: мифологемы и факты. М., 2001. С. 120–121; *Чичуров И. С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 14–17; *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 58; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 65; *Мурьянов М. Ф.* Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Л., 1969. Вып. 19 (82). С. 162; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1. Репринт. С. 47.

[6] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 150; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 116, примечание 20.

[7] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись / Текст памятника подгот. *А. А. Шахматов.* Стб. 262, 264, 268–276.

[8] «Яко же ангелъ Корнильеви рече: "Молитвы твоя и милостыня твоя взиидоша в память предъ Богомь"» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 117). Ср.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 167.

[9] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 263.

[10] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 268.

Истрин В. М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в славянорусском переводе. М., 1920. Т. 1: Текст. С. 252–253.

[12] Такой кружный маршрут вызывает скептическое отношение у большинства исследователей. Ср.: *Голубинский Е. Е.* История русской

37 – 5536

церкви. М., 1880. Т. 1, ч. 1. С. 4; *Никитин А. Л.* Основания русской истории. С. 135 и сл. Оправдывается кружный маршрут лишь какими-то чрезвычайными обстоятельствами — ср.: *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. С. 60; *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 324—325; *Панченко А. М.* Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагеллантство // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 175.

[13] Ср.: «О латинских симпатиях редактора говорит и вставка легенды об Андрее» (*Алешковский М. Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 20).

[14] Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Изд. подгот. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 103. Ср.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 361.

[15] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 44.

Ср.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 539; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 8—10, 364—365.

[17] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 100—102, 290, 334, 338; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 41—42, 372.

[18] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 50—52.

[19] Третья редакция «Повести временных лет» под 1111 г. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267.

[20] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 478, 543; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 372.

[21] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 109.

[22] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 338; Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 301, 340.

[23] Ср.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 33.

[24] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 50.

Истрин В. М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1. С. 541—542.

Выделение Несторовых текстов об Игоре см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 100—107; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 29, 46, 50. Текст в «Древнейшем своде» см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 543.

[27] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 426—428.

[28] О вставке этого рассказа лишь в третью редакцию «Повести временных лет» см.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 25—26; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 293—294.

[29] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 108–110, 544; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 62–66.

[30] См.: Повесть временных лет / Коммент. Д. С. Лихачева. С. 435–437.

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280. Под 1115 г.

[32] Летописец Переславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов) / Изд. М. А. Оболенский. М., 1851. С. 11.

[33] Там же. С. 4.

[34] См.: Повесть временных лет / Коммент. Д. С. Лихачева. С. 438.

[35] О наличии этого рассказа в «Начальном своде» см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 111–113, 545; *Он же.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 69–70.

[36] О наличии этой сцены в «Древнейшем своде» см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 113, 545.

[37] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 143, 561.

[38] Там же. С. 555.

[39] См.: Повесть временных лет / Коммент. Д. С. Лихачева. С. 449.

[40] О принадлежности рассказа Нестору см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 161–163; Повесть временных лет / Коммент. Д. С. Лихачева. С. 467.

[41] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 424–425, 579; Повесть временных лет / Статьи и коммент. Д. С. Лихачева. С. 322; 623 (дополнения М. Ю. Свердлова).

[42] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 173–174, 480–482, 552–554.

[43] «Сюжет ее и образы очень архаичны» (*Путилов Б. Н.* Комментарий // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958. С. 612).

[44] См.: *Путилов Б. Н.* Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Там же. С. 527–528.

[45] Потук Михайла Иванович // Там же. С. 149. Далее страницы по этому изданию указываются в скобках.

[46] См.: *Путилов Б. Н.* Комментарий. С. 613.

[47] Там же. С. 608.

[48] Там же. С. 627.